JEAN ANOUILH

LA CULOTTE

Editoriale Nuova

Генералы в юбках [=Штаны]
Жан Ануй

Аннотация
Жан Ануй. Генералы в юбках (Штаны)

Аннотация

Свершилась «леворюция», первой буквой алфавита стала «Ж» (от слова «женщина»), Париж пришёл к «справедливому» матриархату. Но и в Париже, и во всём мире далеко не всё изменилось: подростки остаются такими же безмозгло-циничными, женщины всё так же любят пудрить носы, а мужчины… а мужчины любят молодых и хорошеньких женщин — с полной взаимностью, впрочем, так что Природа берёт своё.

Жан Ануй
Генералы в юбках (Штаны)

La Culotte de Jean Anouilh (1978)
Перевод и сценическая редакция Сергея Таска

Чисто французская история с антрактом

Действующие лица (в порядке появления):
Леон де Сен-Пе — *член Французской академии.*
Бабушка.
Мари-Кристин — *дочь академика.*
Флипот — *служанка.*
Фиселль — *слуга.*
Ада — *жена академика.*
Тото — *их сын.*
Новая горничная,
Лебеллюк — *адвокат.*
Президентша Комитета Освобожденных Женщин XVI квартала — *она же председательница суда.*
1-я заседательница.
2-я заседательница.

Действие пьесы происходит во Франции в ближайшем будущем. Причудливо-мрачное оформление состоит из разбитых вещей и свисающего лохмотьями занавеса. Все действующие лица, прислуга и хозяева, — тоже в обносках. В центре сцены позорный столб, к которому привязан пятидесятилетний мужчина в старом,

вылинявшем мундире академика. Когда занавес поднимается, мужчина, судя по всему, спит. Входит бабушка, она тянет за собой девочку лет десяти. У девочки, как и у других персонажей, может быть приставной нос, который в соединении с живописными лохмотьями, делал бы их похожими на клоунов.

Бабушка. Давай, Мари-Кристин, поторапливайся. Если ты опоздаешь в школу, госпожа директриса будет ругаться.

Мари-Кристин. А почему папа все время стоит привязанный?

Бабушка. Потому что он сделал ребеночка нашей горничной.

Мари-Кристин. И его уже никогда-никогда не отвяжут?

Бабушка. Отчего же. Сейчас отвяжут. Он ведь должен написать свою колонку в «Фигаро».

Уходят. Входят одетые в рванье Флипот и Фиселль, со шваброй и допотопным пылесосом. О том, что это слуги, можно догадаться по отдаленному подобию женского передника и по мужскому полосатому жилету.

Флипот *(поколачивая мужа)*. Хорош гусь! Посадил на мою шею пятерых оглоедов, а сам из кабака не вылезает. То ликеры, то, понимаешь, анисовка!

Фиселль *(уворачиваясь от ударов)*. Поклеп! Подумаешь, пропустили по стаканчику винца с шофером президентши. Он же два часа, бедняга, дожидался ее на тротуаре в такой мороз! Чуть дуба не дал! Не мог же я допустить, чтобы этот

несчастный негритос околел прямо на дороге.

Флипот. Пьянчуга! Расист! Погоди, я за тебя возьмусь, я сейчас сломаю швабру о твою спину! Патриархам! А ну берись за пылесос. И чтобы через пять минут все это дерево было убрано. И не смей болтать с хозяином! Мадам строго-настрого запретила.

Флипот уходит. Фиселль включает пылесос. От шума просыпается Леон.

Леон *(зевая).* Сейчас что, утро?

Фиселль. Мне запрещено с вами разговаривать.

Леон. Я не прошу тебя со мной разговаривать. Я хочу только от тебя услышать, утро сейчас или нет.

Фиселль *(пылесося).* Утро. Но я вам этого не говорил. Вы сами догадались.

Леон *(после паузы, жалобно)*. Слушай, неужели они не принесут мне кофе?

Фиселль. Ну почему? Будете хорошо себя вести, и вам отвяжут правую руку, чтобы вы тог ли написать в «Фигаро». Слушайте, мне же нельзя разговаривать с вами, так что запомните, я вам ни слова не сказал.

Леон. Если кофе принесет твоя жена, то попро-

си ее отвязать мне заодно и левую руку, а то она совсем затекла.

Фиселль. Ишь чего захотели! На что меня толкаете! Да она не то что швабру — пылесос об мою спину сломает. Ничего не попишешь, все мы скоты, расисты и патриархамы, а значит, рано или поздно должны нести заслуженное наказание. Небось когда вы этой горничной заделывали ребеночка, вы не так смирно стояли?

Леон. Ах, какая она была ласковая… Давно уже никто не говорил со мной с такой нежностью. Она вдруг напомнила мне мою дорогую мамочку. Как же мне не хватало моей дорогой мамочки эти пятьдесят лет!

Фиселль. Это еще не повод, чтобы из первой попавшейся девицы делать мамашу.

Леон *(возмущенно)*. Молчал бы лучше, неуч! Что ты знаешь о психоанализе? Ты и слова-то такого не слышал. Где тебе понять, что значит — влечение!

Фиселль. В чем, в чем, а в лечении я толк знаю. Еще бы, с кем я только не баловался!.. Вот времена-то были!.. Ой, что это я болтаю, нынче за такие слова по головке не погладят.

Леон *(витая в сладких грезах)*. А какие у нее были бедра… какая шелковистая кожа! Не то что

у нашей хозяйки, у которой кожа так же груба, как и ее душа.

Фиселль. Надо думать! Вы с ней уже, никак, двадцать лет прожили.

Леон. А ведь еще совсем недавно у нее с бедрами был полный порядок. И, пожалуй, с душой тоже.

Фиселль. Что вы хотите, все изнашивается. *(Замечает, что пылесос перестал работать.)* Вот и он износился. Придется теперь шваброй. Учтите, если вы скажете им, что я с вами разговаривал, я скажу, что вы наврали. И поверят не вам, а мне, потому что я выходец из трудового народа. Народ, он всегда прав. Во всяком случае, сейчас.

Леон. Пока я тут стою привязанный, я совсем отстал от жизни. Леворюция уже завершилась?

Фиселль. Кончилась. Вернее сказать, то начнется, то кончится. Сейчас, к примеру, начала… кончаться.

Леон. А «Фигаро» еще существует?

Фиселль. Ясное дело. Вы же каждое утро чего-то в нее пишете. Она как наш народ: ко всему привычная.

Леон. Слушай, ну а сам ты что, собственно, выиграешь от леворюции?

Фиселль. Не знаю. Может, перестанут наконец талдычить о ней на каждом перекрестке. А

это уже что-то. Фу ты, опять сболтнул лишнего! Учтите, если вы меня выдадите, я скажу, что вы делали патрнархамские намеки по адресу Комитета Освобождения Женщин XVI квартала.

Леон. И ты, мой старый друг, способен на это?

Фиселль. Чтобы спасти свое хозяйство, и не на такое пойдешь. Вон третьего дня охолостили колбасника с улицы Успения. А делов-то! Пошутил с покупательницей, рассказал ей анекдот с бородой. Про сосиску. А та возьми да и пожалуйся в Комитет. Чик-чик, и ваших нет!

Леон. Господи, да на что тебе оно теперь, твое хозяйство?

Фиселль. Не скажите. Если я сумею сохранить форму до того, как совершится контр-леворюция, оно мне еще очень даже пригодится. *(В ужасе замолкает.)* Если вы скажете, что я вам это говорил, учтите, я все свалю на вас! И мне поверят. Народ никогда не врет. Сейчас, во всяком случае. *(Уходит.)*

Леон. Нет чтобы оставить мне мою шпагу! Я бы попробовал защищаться. Хотя разве от собственной семьи отобьешься?

Входит Ада, ей за сорок, тоже в обносках, но при этом платье у нее расшито фальшивым жемчугом, а помятая шляпка украшена султаном

и перьями.

Ада *(натягивая дырявые перчатки)*. Что-то я не слышу сегодня покаянных речей.

Леон. Знаешь, как тяжело всю ночь вот так…

Ада. Свои пятнадцать дней у позорного столба ты все равно отстоишь. Или ты забыл, за что тебя сюда поставили?

Леон *(смиренно)*. Не забыл.

Ада. Сейчас я бегу к парикмахеру. А когда вернусь, проведем час самокритики. Все, меня нет. Этот Сандро такой обидчивый…

Леон *(вздыхая)*. Везет же некоторым!

Ада *(останавливается, задетая в лучших чувствах)*. Что-что?

Леон. А что? Ему, значит, можно обижаться, а мне…

Ада. Сандро — талант! Он делает из женщины красавицу. И потом, он «голубой»! Надеюсь, ты понимаешь, что сравнение не в твою пользу?

Леон *(обреченно)*. Пусть тогда хоть руки развяжут.

Ада. Размечтался, мой птенчик! Или ты уже забыл, что ты сделал, когда у тебя обе руки были свободны?

Леон *(сраженный этой железной логикой)*. Нет. Не забыл.

Ада. Сейчас придет наш новый товарищ. Она заменит прежнюю горничную. Она принесет твой блокнот и ручку. А то, может, продиктуешь? Она и стенографию знает.

Леон. Еще чего! Вдохновение должно изливаться свободно.

Ада. Как знаешь, Я нарочно выбрала прехорошенькую девчушку, чтобы ты, свинья, сильней страдал. А ну, повтори за мной: «Я — свинья!»

Леон *(послушно)*. Я — свинья.

Ада. Так-то оно лучше. И не вздумай делать ей какие-нибудь пассы. Она член партии «Движение освобожденных женщин», так что заруби себе на носу: все, что ты ей скажешь, будет мне передано слово в слово. Подожди, я еще прочищу твои мозги. А ну скажи: «Спасибо, Ада».

Леон *(кисло)*. Спасибо, Ада. Ада. Вот так. Не могу сказать, чтобы это прозвучало от чистого сердца, но какой спрос с мужчины, у которого нет сердца. *(Уходит.)*

Леон *(со вздохом)*. Что ж, займемся самокритикой. Покормим свои грешки… Идите сюда, мои маленькие! Цып, цып, цып… Итак, начнем. Мне двенадцать лет… Неужели я начал так рано? Я же был самой невинностью. Погружаюсь, погружаюсь в сладкие грезы… Святой Фрейд, помолись за

мою грешную душу! *(Застывает в отрешенной, позе.)*

Входит его сын Тото двадцати лет.

Тото. Слушай, пап, ты мне не одолжишь на вечер свои лакированные туфли?

Леон. А как же я?

Тото. Ну не будь таким эгоистом! Ты ж все равно привязан. Постоишь в носках. Тебя на сколько приговорили?

Леон. На пятнадцать дней.

Тото. Это что, за шуры-муры с горничной?

Леон. Да.

Тото. Небось теперь кошки на душе скребут? С такой-то крокодилой…

Леон обиженно молчит.

Давай, гони туфли. Будь так любезен, как говорили в твоей молодости.

Леон *(надувшись)*. Не дам. Мои туфли. У меня и так ничего своего не осталось. Дождись моей смерти.

Тото. Не люблю ждать. А если я возьму их у тебя силой?

Леон. Ты хочешь расправиться с беспомощным человеком?

Тото. Да.

Леон. И тебе не совестно?

Тото. Нет.

Леон (с *горечью)*. Прекрасно! Прекрасно!

Тото *(не понимая)*. Что прекрасно?

Леон. Ты уже взрослый, и я могу сказать тебе всю правду о твоем рождении.

Тото. Правду?

Леон. Я тогда вычитал в одном научном журнале, что природа посылает наследника слабейшему из супругов. Сыновья рождаются у мужчин, которых притесняют жены.

Тото. Значит, ты спал и видел, когда я наконец приду к тебе на помощь? Несколько опрометчиво с твоей стороны.

Леон *(думая о своем)*. У меня тогда был бурный роман с очаровательной комедианточкой. Пожалуй, не стоит произносить вслух ее имя, но ты ее знаешь, она заведует французской кафедрой.

Тото *(ледяным тоном)*. Избавь меня, пожалуйста, от этих мерзких подробностей. Я все-таки твой сын.

Леон *(вздыхая)*. Увы!.. Я был по уши в не влюблен, в мою малышку. Видел бы ты сейчас, вот бы посмеялся! Она проводила в мое мансарде целый вечер, и все это время.

Тото. Короче, старина. Кому нужны эти выкладки? К тому же они наверняка завышены.

Леон *(мечтательно)*. Ах, какое это было время! Возвращаюсь я, значит, от нее домой около полуночи. Я был выжат как лимон, мне и в голову не могло прийти, что я еще на что-то способен…

Тото *(хватает его за галстук)*. Я не мог быть зачат вот так, негодяй!

Леон *(смеясь ему в лицо)*. Ты уж меня прости мой мальчик, но тут сработал принцип, открытый учеными: в ту минуту я был слабейшим!

Тото *(трясет его в ярости)*. Подлец! Тряпка! А ну, гони туфли, живо! И можешь не поджимать пальцы, я все равно сдеру их с тебя. Как был тряпкой, так тряпкой и остался! А теперь выкладывай монеты!

Леон *(пытаясь сохранить достоинство)*. У меня связаны руки.

Тото. Ничего, я знаю, где ты их держишь. Вот здесь… Мерси. Я взял двадцать бумажек. Одну я оставил тебе на разживу, чтобы ты мог поступить как подобает кавалеру, когда маман тебя отвяжет. *(Надевает туфли.)*

Леон *(чуть не плача)*. Неужели ты меня совсем не любишь, мой мальчик?

Тото *(холодно)*. Не понимаю, кто мог тебе ска-

зать такую глупость. *(Уходит.)*

Леон. Это я во всем виноват. Я им совершенно не занимался. Детей надо воспитывать на положительном примере. *(Начинает как бы звать котят.)* Кис, кис, кис! Идите сюда, мои маленькие! Идите ко мне, мои ненаглядные грешки! Сейчас я вас буду кормить. Не все сразу, маленькие обжоры. *(На мгновение задумывается и вдруг простодушно восклицает.)* Но если разобраться, в глубине души я всегда был моралистом! Достаточно прочитать все, что я написал. Все мои заметки в «Фигаро»… Со всех уголков страны, из Бретани и Кантали, ко мне приходили десятки писем, и везде меня просили об одном: «Продолжайте борьбу! Кто-то должен же сражаться со всей этой порнографией!» А одна преподавательница из Дижона написала: «Ваша ручка — это копье! Вы наш Георгий Победоносец, который поразит дракона!» Да, я всегда стоял за семью, за чувство долга… Я доказывал это каждой своей строкой, по десять франков за строчку. Моя последовательная позиция стоила мне Нобелевской премии. *(Срываясь на крик.)* Все равно я бы от нее отказался, как Сартр… только по причинам прямо противоположным! *(Пауза.)* Не много найдется в мире писателей, которые бы так высоко держали

голову! Я был героем Сопротивления. Во время оккупации я печатался под чужим именем… Так чего же они от меня хотят? *(Кричит.)* Ну, я жду ответа! Ваше молчание лишь подтверждает мою правоту. *(С презрительной улыбкой.)* Говорите, я спал с горничной? Да, спал! Это был мой гражданский долг… Стань я любовником какой-нибудь знаменитой актрисы, вы бы не сказали ни звука. В Париже это считается хорошим тоном. Но пойти на близость с народом, и не только на словах… какой ужас! Не правда ли? Фи! *(С горьким откровением.)* Да, я писал в «Фигаро», но в глубине души я всегда был левым. И этой левизны они мне не могут простить!..

Входит новая горничная, этакая разбитная крестьянка.

Горничная. Я ваша новая прислуга. Я должна отвязать вам правую руку, чтобы вы написали заметку в «Фигаро».

Леон *(все еще во власти негодования)*. Да-да… Они еще увидят, из какого я теста! Я им все выскажу!

Горничная *(развязав веревку и показывая ему ручку)*. Вот ваша ручка. Снять колпачок?

Леон *(только сейчас рассмотрел ее по-насто-*

ящему). Какая милашка! Подожди, не все сразу. *(Встряхивает затекшую руку.)* Даже не знаю, смогу ли я сразу писать. Вы не могли бы отвязать мне заодно и левую руку, чтобы я растер правую?

Горничная *(непреклонно)*. Ни в коем случае. Мадам велела развязать только одну руку.

Леон. Но вы же видите, я не могу удержать ручку. Может, вы сами разотрете мне пальцы?

Горничная *(растирая)*. Так?

Леон. Спасибо, дитя мое. У вас доброе сердце. В наши дни это такая редкость. Эмансипация открыла перед женщиной одну дверь — секса и наглухо закрыла другую — человеческой доброты. Ой!.. Возьмите вы ее лучше в ладони. Так мне будет приятнее.

Горничная. Мне тоже. А то у меня после стирки руки совсем заледенели. А что вы такого натворили, что вас поставили к позорному столбу?

Леон *(пожимая плечами)*. Да ничего. Сами знаете, много ли требуется сегодня, чтобы тебя затравили! Достаточно отклониться от генеральной линии… А у вас и вправду руки как ледышки. Вы не могли бы засунуть мою ладонь к себе под мышку? Это ведь самое теплое место.

Горничная *(выполняя его просьбу)*. Пожалуйста. Если это вам поможет. Так лучше?

Леон. О да, гораздо.

В наступившей тишине между ними возникает нечто вроде интимной близости.

Горничная. Ну как, проходит?

Леон *(прочувствованно)*. Приливает… То приливает, то отливает. *(С нежностью.)* Прямо мурашки по коже.

Горничная *(невозмутимо)*. Ага. Только не надо гладить мою грудь.

Леон *(удивленно)*. Разве я пошевелил пальцами?

Горничная. Еще как пошевелили.

Леон. Так и есть — мурашки! Это получается совершенно бессознательно. Вы уж меня простите, мадемуазель, но какой спрос с бедной, больной руки?

Горничная *(в глубине души польщенно)*. Ой, ну что вы! Подумаешь, какое дело. *(С восхищением.)* Как вы красиво говорите!

Леон *(скромничая)*. Это моя профессия.

Горничная. Наверно, надо быть здорово образованным, чтобы писать в журнал?

Леон. Не то слово.

Горничная. Я тоже хотела выучиться. Без культуры нынче пропадешь! Решила пойти вос-

питательницей в детсад, да вот провалилась на вступительных экзаменах. Завалила тригонометрию.

Леон *(несколько удивившись)*. Это что же, теперь надо сдавать тригонометрию, чтобы поступить воспитательницей в детский сад?

Горничная. И философию тоже. Мне достался Кант. Связь между категорическим императивом и свободой выбора. А я в этом ни бум-бум. Мне бы в саду с детишками возиться. Я ведь четырех малышей моей сестры воспитала, пока она там на своем заводе пропадала. Так что у меня бы получилась. Если бы я, конечно, разобралась с этим Кантом. Придется теперь на будущий год опять сдавать. Если мадам позволит, буду готовиться вечерами.

Леон. Могу ли я предложить вам свои услуги? Для меня, знаете, Кант — все равно что друг-приятель. Мне иногда сдается, что не он, а я открыл этот категорический императив.

Горничная *(восхищенно)*. И вы мне поможете?

Леон *(сияя)*. С удовольствием, дитя мое.

Горничная. Какой вы душка! Леон *(согласно кивая)*. Да. Почему-то никто не верит, что у меня добрейшее сердце. А ведь достаточно было бы отвязать мне еще и левую руку… Разве можно

излить всю свою любовь с помощью одной руки? Только не передавайте ей моих последних слов. Пусть это останется между нами.

Горничная *(сразу посерьезнев)*. Простите, но это невозможно. В Комитете Освобожденных Женщин XVI квартала мне велели слушаться только мадам. Такое теперь время. В обществе произошли перемены. Будет лучше, если вы начнете наконец писать свою статью.

Леон. Пожалуй. Мне тоже кажется, что так будет лучше.

Горничная *(без тени возмущения)*. Вы опять гладите мою грудь.

Леон. Что делать, приходится разрабатывать пальцы. Вам это неприятно?

Горничная *(высвобождаясь)*. Да нет, почему. Просто мадам предостерегала меня. Она сказала, что вы старый развратник.

Леон *(страдальчески)*. Фу, как грубо! Неужели я похож на старого развратника?

Горничная *(кокетливо)*. Ну, на старого немножко похожи. А насчет развратника мне пока трудно сказать. Меня, например, первый раз подбили на это дело, когда мне было четырнадцать. Это был мой дядя.

Леон (с *неподдельным негодованием)*. У, старый

развратник!

Горничная *(смеясь)*. То-то же. Когда речь идет о других… Его звали Боб. Он был душка. И потом, это ведь родной дядя. Свой человек.

Леон *(вне себя)*. Свой человек? Мерзавец, вот он кто! Дайте мне мою ручку. У меня родилась идея статьи! Как раз то, что им нужно.

Горничная *(показывая на блокнот)*. Мне его так держать?

Леон. Нет. Иначе у вас тоже затечет рука. Вы должны положить блокнот на спину, как это делал горбун с улицы Квинкампуа. Повернитесь-ка. Теперь наклонитесь. Еще. Ближе ко мне. Вот так. Прекрасно. Вы мне будете служить как бы пюпитром.

Горничная *(с готовностью включаясь в игру)*. Интересно как! А кем он был, этот горбун с улицы Квинкампуа?

Леон *(сильно встряхивал ручку)*. Горбуном. С улицы Квинкампуа. О чем, собственно, и говорит его имя. На этой улице находилась знаменитая биржа. Стоя прямо на мостовой, люди проворачивали всякие махинации. Но чтобы удобнее было выписывать разные там бумаги на куплю-продажу, нужна какая-то подставка. Вот горбун и придумал подставить им свой горб. Похоже,

это принесло ему удачу. Он нажил на этом деле целое состояние.

Горничная *(восхищенно)*. Надо же, сколько вы всего знаете! Вы бы тоже могли нажить состояние, если бы приняли участие в телеконкурсе. Вы такой ученый!

Леон *(вдохновенно пишет)*. Мог бы. Но что мне этот презренный металл! Не благороднее ли отдать свои знания для просвещения трудящихся масс? Бесплатно. Или по крайней мере за счет «Фигаро». Они ведь, знаете, платят жалкие гроши.

Горничная. По-вашему, трудящиеся массы читают «Фигаро»?

Леон *(продолжая писать)*. Шестьсот тысяч подписчиков. Все И. Т. Р. А вы думаете, они не работяги? Да у них самый высокий процент инфаркта миокарда. И потом, что считать массами? Разве шестьсот тысяч — не масса? Нет, как хотите, а я их называю трудящимися массами. *(Лихорадочно пишет.)*

Горничная *(после паузы, умиленно)*. Во даете! Я аж спиной чувствую, как вы строчите! Даже немножко щекотно. Мне, конечно, далеко до горбуна с улицы Квинкампуа. Да?

Леон *(продолжая писать, невинно)*. Хорошо бы

чуть поближе. О! То, что надо. Вы ангел. Если бы вы еще отвязали мне левую руку, было бы совсем замечательно. И вы бы не так уставали. Я бы вас поддержал…

Горничная *(хихикнув)*. За титьки? Ишь, губа не дура! Нет уж, пока у вас только одна рука, да и та занята, я могу быть спокойна. Пишите давайте. В наше время труд — священная обязанность каждого! Все члены нового общества должны трудиться.

Леон *(двусмысленно)*. А что я делаю! *(Перефразируя.)* Пусть левая рука не ведает, что творит правая.

Вдруг входит Ада, завитая как барашек.

Ада *(кричит)*. Это еще что такое? Ты что делаешь?

Леон *(после секундного замешательства: с обезоруживающей прямотой)*. Пишу статью.

Ада. На спине у горничной? Немедленно разогнитесь, дуреха! А ну отвечайте, что он тут вам наговорил?

Горничная. Я и собиралась, мадам, все вам рассказать. Месье говорил про горбуна с улицы Квинкампуа. Он жил когда-то на этой улице, и те, кто играли на бирже, использовали его горб

для…

Ада *(перебивая ее)*. Знаю! Нельзя быть такой доверчивой, моя девочка. Неужели вы не понимаете, чего стоят все эти исторические анекдоты? Под предлогом, что ему будто бы надо положить блокнот на вашу спину, он пристроился сзади…

Леон *(сама невинность)*. Ну что за страсти ты сочиняешь?

Горничная *(рассудительно)*. Он же ничего не мог, мадам. У него была только одна рука, да и та занята.

Ада *(снисходительно улыбаясь)*. Ах, бедное дитя! Сразу видно, что вы не знаете мужчин.

Горничная *(оскорбленно)*. Почему же? У меня с ними были…

Ада *(обрушиваясь на нее)*. Что? Долгие беседы? Откуда вам было знать, что у него на уме?

Горничная. И то верно. Я ведь спиной к нему стояла.

Ада *(обескураженная ее простодушием)*. Ладно. Я вижу, вы действительно без умысла. Оставьте нас.

Горничная. Слушаюсь, мадам. *(Уходя, недовольно бурчит себе под нос.)* Подумаешь, блокнот положил…

Уходит. Ада, пылая от негодования, поворачи-

вается к мужу.

Ада. Итак, мой милый! *(Она поднимает с пола конец веревки и угрожающе помахивает им.)* Ты закончил статью?

Леон *(холодно)*. Еще нет. Если хочешь, пожалуйста, отсылай в таком виде. Только учти, редакция завернет материал, и прощай денежки!

Ада. Это что, бунт? Ты меня шантажируешь?

Леон *(так же холодно)*. Я констатирую факт.

Ада *(взрываясь)*. Ты, кажется, все еще витаешь в облаках, памятуя о том времени, когда вы, мужчины, были на коне! Ты не догадываешься, что будет, если я сообщу о твоих подвигах в наш левком?! Ты ведь, мой милый, пятнадцатью днями не отделаешься!

Леон *(сникая)*. А что я такого сказал? Я только сказал, что еще не закончил статью.

Ада *(привязывая его)*. Потом допишешь. А пока длится час самокритики, будешь стоять привязанный.

Леон. А кто, собственно, решил, что самокритикой нельзя заниматься с развязанными руками?

Ада. Закон.

Леон. Ну и задница этот ваш новый закон!

Ада *(мстительно)*. Я понимаю, ты бы предпочел задницу новой горничной.

Он молча опускает голову.

Что, милый, крыть нечем? Ты повторил свою покаянную речь?

Леон *(бормочет)*. Да. Частично. Когда столько прожито, трудно все припомнить.

Ада. Ничего, свинства не забываются. Достаточно вернуться на тридцать лет назад, к твоим школьным приятелям или товарищам по полку, чтобы в голове у тебя прояснилось. Чего вы только не говорили после ваших дружеских застолий, когда я оставляла вас одних в кабинете за бутылочкой коньяка или ликера!

Леон *(встрепенулся)*. Как? Ты подслушивала под дверью?

Ада *(запальчиво)*. Это моя дверь, и ты мой муж!

Леон. Чем ты, в таком случае, лучше прислуги? Им подслушивать не привыкать.

Ада *(задетая за живое)*. Ты прав! Я всю жизнь была твоей прислугой! Так что мне сам бог велел подслушивать, Или ты станешь отрицать, что я тебе прислуживаю вот уже двадцать лет? Хожу за твоими детьми, варю обеды, стираю твои протухшие носки!

Леон *(отчужденно)*. Послушай, Ада. Давай решим: или у нас семейная сцена, или час самокритики. Если это семейная сцена, то мы в два

часа не уложимся. А мне до двенадцати надо закончить статью, чтобы отдать ее курьеру. Иначе тю-тю денежки!

Ада *(мгновенно остывая)*. Хорошо. Ты просто меня вывел из себя. *(Садится, надевает очки, кладет на колени блокнот.)* Так… Твое детство… На чем мы остановились?! А, вот. Тринадцатилетняя крошка, затащившая тебя в пустую комнату. Ты был младше ее на два года.

Леон *(пытаясь отмахнуться от этого факта)*. Подумаешь!

Ада *(сурово)*. Никаких «подумаешь»! Вчера ты показал, что ты расстегнул на ней блузку. Это правда, или она сама ее расстегнула? Хорошенько подумай, это очень важно!

Леон. Я расстегнул. Я подтверждаю свои показания.

Ада *(бесстрастно)*. И это доставило тебе удовольствие?

Леон. Да.

Ада *(сверившись с последней записью, подскакивает)*. Что значит «да»? Вчера ты говорил «нет»!

Леон. Вчера у меня еще не были достаточно прочищены мозги. Оставалась какая-то муть. Сегодня же я признаюсь, к своему стыду: да, это доставило мне удовольствие.

Ада *(записывает со всей серьезностью)*. Прекрасно! Первый опыт: «удовольствие». Но ты уверен, что это от нее исходила инициатива?

Леон *(вскипая)*. Да, эмансипированные женщины, представь себе, встречались уже тогда! Эта малышка опередила свое время! *(Растроганно всхлипывает.)* Моя первая любовь была в авангарде зарождающегося движения! Это было незабываемо!

Ада *(проглядывая свои записи)*. Да… Совсем вылетело из головы. Ее социальное положение?

Леон. Она была дочерью фермера, который работал у моего деда.

Ада *(посуровев)*. И у тебя даже не мелькнуло мысли, что ты действовал, как последний мелкобуржуазный патриархам?!

Леон *(стонет, не в силах больше сдерживаться)*. Сколько раз мне повторять тебе — это на меня затащила! И это она была старше меня на два года!

Ада (с *металлом в голосе)*. Помойка. Повторяй за мной: «Я — буржуазная помойка! Ради Удовлетворения своих низменных желаний я осквернил невинное дитя трудового народа и вверг ее в юдоль скорби».

Леон. Но я же тебе повторяю, это она меня за-

тащи… *(Осекается под ее леденящим взором и послушно повторяет.)* «Я — буржуазная помойка. Ради удовлетворения своих низменных желаний, я осквернил невинное дитя… *(пытается еще раз объяснить.)* Она ведь была старше меня… *(Взрывается.)* Какой, к черту, юдоли! Ей это тоже доставило удовольствие! Еще больше, чем мне! В восемнадцать лет она выскочила за сына мясника. Ее муж генеральный советник, а она ходит в норковом манто!

Ада *(не повышая тона, холодно)*. Ты безнадежен. Тут у святого терпение лопнет. Тебе отвяжут одну руку специально для того, чтобы ты пятьдесят раз написал то, что сейчас произносил вслух. *(Уходит.)*

Леон *(кричит)*. Фиг тебе я буду каяться! К чертям собачьим! Слыхала? И в „Фигаро“ ничего не напишу! Вот!

Ада *(неожиданно возвращаясь)*. Что ты сказал?

Леон *(сконфуженно)*. Я сказал: „Вот!“

Ада. А перед этим?

Леон *(малодушно)*. Не помню.

Ада уходит, не говоря ни слова. Появляется Фиселль с тряпками и шваброй.

Леон *(кричит ему)*. Фиселль, отвяжи меня! Я

дам тебе сто тысяч франков, все мои левые доходы, которые я зашил в треуголку. Мы вдвоем смотаемся отсюда.

Фиселль. Куда? У них эти левкомы понатыканы по всей Франции.

Леон. В Швейцарию. Это единственная страна, чье сопротивление им пока не удалось сломить. Там даже есть кантоны, где женщинам нельзя голосовать.

Фиселль. Мы не успеем добраться до границы. А если даже доберемся, мужчинам теперь нужна специальная выездная виза.

Леон. Мы проползем на животе мимо таможенников! Принеси мне мою шпагу. В случае чего, мы сумеем постоять за себя!

Фиселль *(качая головой)*. Это несерьезно. И вообще, хорошенькая женщина всегда была стервой. Правда, при этом оставалась хорошенькой женщиной. А дети? Нельзя же их вот так бросить!

Леон *(в отчаянии)*. Как мы до всего этого дошли?!

Фиселль. Что вы хотите? В чем-то мы все же были свиньями.

Леон *(задумывается)*. Ты считаешь?

Внезапное затемнение.

Когда свет загорается, мы видим академика в центре сцены, по-прежнему привязанного к позорному столбу. Фиселль, прикатив столик с едой, кормит его, поскольку у него свободна лишь одна рука,

Леон. Порежь мне еще мяса. Только не такими большими кусками… Как будто нельзя было распорядиться, чтобы мне отвязывали обе руки! В конце концов это оскорбительно — чтобы тебя кормили, как младенца! *(Ест.)* И почему я так поздно завтракаю сегодня? У меня уже начало сосать под ложечкой.

Фиселль. Мне приказали не подавать, пока вы не закончите статью в „Фигаро“. Если бы вы ее не дописали, остались бы вообще без завтрака.

Леон. А почему шпинат? Ты же знаешь, я не люблю шпинат!

Фиселль. По этой самой причине. Мадам сказала Флипот, что надо проявить твердость. В вашем возрасте пора есть все. Я тоже в детстве не любил шпинат, а потом привык.

Леон *(страдальчески)*. Но я давно вырос!

Фиселль. Будет вам. Я вообще не должен с вами разговаривать. Я всю жизнь подчинялся начальству, а сейчас мое начальство — мадам.

Леон. Но ведь ты такой же мужчина, как и я!

Фиселль. Ничего подобного. Я на жалованье. *(Кормит его.)* Обмакнуть корочку в соус? Вы это любите, я знаю.

Леон *(отшатываясь)*. У тебя же грязные руки!

Фиселль (с *достоинством)*. Да, грязные. На то я и полотер. От меня никто не требовал, чтобы я мыл руки. Это не входит в мои обязанности.

Леон. Все правильно. Но почему меня не кормит эта новенькая? Кормление входит в ее обязанности.

Фиселль *(подмигивая)*. Почему? Вам это не хуже меня известно. Между нами, она очень даже ничего, не хуже той. *(Вдруг замолкает.)* Если вы скажете, что я вам это говорил, я все свалю на вас. Понятно?

Леон. Понятно.

Фиселль. Доедайте-ка свой шпинат, и я пойду. А то я тут с вами завозился.

Леон *(отворачивая голову)*. Я не люблю шпинат.

Фиселль. Это меня не касается! Мне сказали: чтобы тарелка была пуста! А для меня слово шефа — закон. А ну-ка, ложечку за папу, ложечку за маму…

Леон *(кривясь от отвращения)*. Какой же ты трус! Мог бы преспокойно спустить его в унитаз.

Боишься!

Фиселль *(кормя его, как грудного ребенка).* Пусть так. Зато я при своем интересе. Так было и при немцах, и при голлистах. И при новой власти, будьте уверены, я ничего не проиграю. Хотите знать всю правду? Мы — люди маленькие, но только мы одни и остаемся всегда при своем интересе. *Собирается уйти со всем своим снаряжением.*

Леон *(кричит ему вслед).* А где десерт? Разве сегодня нет десерта?

Фиселль. Есть. Шоколадный мусс. Но вас лишили десерта.

Леон. Почему?

Фиселль. Не знаю. Наверно, потому, что вы заартачились и не кончили вовремя статью.

Леон *(кричит, пытаясь его остановить).* Фиселль!

Фиселль. Ну что? Нас могут услышать.

Леон. Скажи, твоя жена тоже стерва?

Фиселль. Чем люди меньше, тем у них все проще, сами знаете. Вообще говоря, мне от Флипот всегда доставалось, даже при патриархамском правлении, когда я был, так сказать, всему голова. Правда, все, что положено делать жене, она исправно делала… *(Прикусил язык)* У месье будут

еще какие-нибудь пожелания?

Леон, Нет, спасибо. Что, суд назначен на сегодня?

Фиселль. Да. На три часа. Под председательством мадам Симоны Бомануар, президентши Комитета Освобожденных Женщин XVI квартала. Вот она, тяжелая артиллерия! *(Собирается уходить.)*

Леон. Фиссель!

Фиселль. Ну чего?

Леон *(с пафосом)*. Ты забыл привязать мне руку.

Фиселль *(в ужасе возвращаясь)*. Ах, мать честная! Как пить дать, угодил бы под трибунал! Спасибо, что сказали, я вам этого не забуду. *(Бормочет, завязывая веревку.)* Вы неплохой человек, но что вы от нас хотите? Народ обязан повиноваться. Так было всегда; при всех режимах. И не нам с вами это изменить. *(Уходит.)*

Леон. В девяносто третьем народ в своей массе был настроен роялистски, однако это не помешало Людовику XVI наплевать ему в душу. Что меня раздражает в революциях, так это то, что никогда нельзя понять, с чего все началось. Может быть, все наши беды пошли с двадцать пятого года, когда мы разрешили им носить короткую

стрижку?

Входит Лебеллюк, толстый авантажный мужчина с подозрительно тоненьким голоском.

Леон *(в бешенстве кричит на него)*. А тебе что здесь надо?

Лебеллюк *(бодренько)*. Просмотреть вместе с тобой твое дело. Мне, моя радость, поручено быть на суде твоим защитником. Или ты забыл, что я член коллегии адвокатов? Пока ты изучал словесность на бульваре Сен-Мишель, я там же изучал право.

Леон. Вон отсюда! Видеть тебя не могу, мозгляк!

Лебеллюк. Слушай, давай не будем терять время на всякую ерунду. У нас его не так уж много. Ты же знаешь, мой петушок, что твои дела довольно плохи.

Леон *(вне себя)*. Не смей называть меня „мой петушок“! А то я съезжу тебя по физиономии!

Лебеллюк. Сие представляется сомнительным. У тебя связаны руки.

Леон *(орет)*. Чтоб духу твоего здесь не было, слизняк!

Лебеллюк *(спокойно садится, достает из портфеля досье)*. Что бы ты без меня делал? *(После*

паузы, все тем же писклявым голоском.) Знаю, ты презираешь меня за то, что я пошел на эту операцию. Но ведь я не ты, для меня это была не бог весть какая потеря. И потом не забывай, для человека честолюбивого нет преград! Кстати, в XVI веке подобная операция была в порядке вещей. Не говоря уже о кастратах-певчих в хоре Сикстинской капеллы, из которых впоследствии выходили кардиналы.

Леон *(бурчит)*. Я тебе этого никогда не прощу!

Лебеллюк *(просто)*. Но ведь это проделали со мной, а не с тобой. И вообще, пора примириться с новыми порядками.

Леон *(патетически)*. Никогда!

Лебеллюк. Слушай, нельзя жить позавчерашним днем! Пока лидеры-мужчины, щеголяя своей левизной, заверяли наших женщин, что позволят им скоро играть первую скрипку, эти слабые и угнетенные поймали их самих в ловушку. Ты прекрасно знаешь, что женщин у нас больше, чем мужчин, и что нет более отчаянных рубак, чем вдовы! Стоит ли после этого удивляться, что на последних выборах подавляющим большинством голосов они вернули нас к матриархату? То, чего им не удавалось добиться вот уже пять или шесть тысяч лет, вдруг — бац! — стало ре-

альностью. Они начали с бою брать ключевые посты. Но знаний и технических навыков им явно не хватало, и тогда они призвали на помощь добровольцев. Я же, сам знаешь, привык бросаться в горячие точки. Пойми, моя радость, будущее — за ними! *(После паузы.)* А кроме того, вся эта процедура в результате успехов в области анестезии стала куда менее болезненной, чем удаление зуба мудрости. Зато потом какое облегчение! И еще, знаешь, я всегда чувствовал в себе нереализованное женское начало. И вот сейчас оно наконец нашло выход.

Леон *(еще ворчит)*. Все равно мозгляк…

Лебеллюк *(улыбаясь)*. Гораздо важнее то, что я теперь старшина сословия адвокатов. Считай, что в память о наших студенческих проказах я пожертвовал своими погремушками, чтобы спасти тебя, моя радость, от подобной участи. *(Посерьезнел.)* Должен тебе сказать, ты оказался в неважнецком квартале. В Мениль-монтане или, скажем, в Бастилии среди руководства еще осталось несколько трезвых голов. Но у вас в Пасси, где во главе Комитета стоит эта Бомануар, почти невозможно найти зацепку. У вас в квартале самый большой процент левых интеллектуалок на квадратный метр.

Леон *(взрываясь)*. Плевал я на твоих левых интеллектуалок с высокой колокольни!

Лебеллюк *(испуганно)*. Тише ты! Плюй, как все, с приступочки. С высокой колокольни они могут на тебя плевать, запомни! Ты хорошо знаешь новый уголовный кодекс?

Леон. Нет!

Лебеллюк. То-то же. А я его изучил вдоль и поперек. Это моя профессиональная обязанность. Сейчас мы пройдемся с тобой, дорогуша, по статье сто двадцать второй. На вот, послушай! *(Извлекает из портфеля новый кодекс и начинает читать своим фальцетом.)* „Приговариваются к радикальной операции…“. Тебе, я думаю, не надо объяснять, что под этим подразумевается?! „Все лица мужского пола, которые, злоупотребив своей силой, либо красноречивыми и лживыми посулами, либо воспользовавшись беспомощностью жертвы, что может быть ими представлено как добровольное согласие, принудили лицо женского пола удовлетворить свое плотское влечение. Если при этом соблазнитель связан узами брака, размер компенсации составит четыре — двенадцать тысяч новых франков. Аналогичная сумма присуждается в случае, если пострадавшая сторона не достигла совершеннолетнего возраста

к моменту овладевания ею лицом мужского пола, а также в случае, если она находится в подчинении у вышеназванного“.

Леон. У кого это?

Лебеллюк. В данном случае — у тебя. Она была совершеннолетней?

Леон. Нет!

Лебеллюк. Но она находилась в твоем подчинении?

Леон. Нет. В подчинении моей жены. Я теперь не глава семьи.

Лебеллюк. Это все казуистика!

Леон *(вдруг осененный)*. Ничего подобного! А ну, листай, листай давай! Смотри в общем введении к Основному Закону Матриархата… Статья седьмая, не то девятая…

Лебеллюк *(тоже захваченный этой догадкой)*. Слушай, ты гений! А ну-ка, ну-ка… *(Листает страницы)*. Вот. Статья девятая. „Вся власть, законодательная и исполнительная, и вся собственность зарождаются в животе женщины и исходят из него. Дети мужского пола лишаются права прямого наследования…“. Нет, не то.

Леон. Ищи дальше! Это где-то рядом. Может быть, статья одиннадцатая. Или двенадцатая.

Лебеллюк. Подожди… Подожди… Кажется,

нашел. Мы еще с тобой въедем на белом коне… Слушай, статья тринадцатая: „Все лица обоего пола, выполняющие как народнохозяйственные, так и внутрисемейные задания, подчиняются непосредственно женскому руководству предприятия либо хозяйке дома. Ни при каких обстоятельствах мужской член семьи либо производственного объединения не вправе отдавать им приказания по собственной инициативе“.

Леон *(торжествующе)*. Понятно? Она не находилась в моем подчинении. Следовательно, я не мог отдать ей приказание!

Лебеллюк *(в замешательстве)*. Так-то оно так… но ведь ты сделал тем не менее ей ребенка!

Леон *(не без фальши)*. Не приказывал же я ей забеременеть! Я держался в высшей степени корректно. В сущности, она меня все время подстрекала. Наверно, она меня любила, вот что я тебе скажу.

Лебеллюк. Так тебе и поверили! *(Опять листает кодекс.)* Статья двести седьмая: „Согласие девицы либо женщины не может служить оправданием для мужчины, застигнутого на месте преступления, даже в случае формального подтверждения этого обстоятельства его партнершей“. Что это у тебя так физиономия

вытянулась? *(Ехидно.)* Никак, язык проглотил?

Леон *(вне себя)*. Дерьмо! Я знаю, ты ждешь не дождешься, когда я запою вместе с тобой в хоре Сикстинской капеллы!

Лебеллюк *(с достоинством)*. Не смешивай, пожалуйста, божий дар с яичницей. Что касается меня, то я принес жертву на алтарь веры… или, если хочешь, честолюбия. А тебя я пытаюсь спасти от унизительного приговора. Хочешь знать мое мнение? Только один человек может сейчас тебя спасти: Ада! У тебя с ней были постельные отношения в последнее время?

Леон *(сумрачно)*. Очень редко.

Лебеллюк. И как, успешно?

Леон *(взбешенный)*. Тебе-то что за дело, мозгляк?

Лебеллюк. Прямое. Как адвокат, я должен укрепить наши позиции. Давай начистоту. Ада может быть лично заинтересована в том, чтобы все осталось при тебе? У нее есть любовник?

Леон. Не думаю. Она женщина холодная.

Лебеллюк. Вот и разогрей ее, моя радость! Разогрей — и ты спасен!

Леон. Это невозможно. Да и времени уже нет: через два часа начнется суд.

Лебеллюк. Два часа! Да за два часа и не то мож-

но сделать!

Леон *(мрачно)*. Только не это. Это выше человеческих сил. Во всяком случае, моих. И все их законы тут бессильны! Поди заставь, чтобы у меня…

Лебеллюк *(в ужасе обрывает его)*. Только без выражений! Ты же знаешь, что за них полагается. Статья триста семнадцатая, параграф двенадцатый. *(Зачитывает.)* „Всякое непристойное или фривольное выражение, уничижительное или скабрезное слово, обозначающее некую часть или совокупность женской анатомии либо женщину как таковую, карается…“ и так далее.

Леон *(вне себя)*. Ну чего они этим рассчитывают добиться?!

Лебеллюк. Уважения. В течение тысячелетий их совершенно не уважали, И вот сейчас, добившись политической власти, они требуют к себе уважения. А что, женщина — тоже человек! Нет, дорогуша, на то и диктатура — суровая, жесткая, нетерпимая ко всяким вольностям. *(Пауза.)* Поверь мне, когда за дело берутся слабые, отдача бывает очень сильной,

Воцаряется молчание.

Леон *(подавленно)*. Может, мне все отрицать?

Лебеллюк. Бесполезно. Ребенок уже родился, и они уже вытянули из горничной признание, что это ты постарался. В этих женских спецбригадах такие, брат, приемчики. Они и тебя в чем хочешь заставят признаться.

Леон. На что же бить, по-твоему?

Лебеллюк. На то, что это было насилие.

Леон. Насилие? Но я же тебе говорил, она сама хотела… И потом я не вижу, какой мне от этого…

Лебеллюк. Ты прав, никакого, Насилие, моя радость, было с ее стороны. Они все предусмотрели в своем уголовном кодексе, только не это. Так вот, эта девица тебя изнасиловала. С ней были сообщницы, чьи лица ты просто не можешь припомнить. Еще бы, после такого потрясения! Они тебя связали и крепко держали, в то время как эта девица на тебя набросилась. Новое общество защищает только слабых, поэтому мы будем бить на твою слабость!

Леон *(тупо смотрит на него)*. Слушай, давно тебя прооперировали?

Лебеллюк. Два года назад. А что?

Леон. Ты уже забыл, как это делается? Никто им, конечно, об этом не напоминает, но что их злит больше всего, так это то, что мужчина может изнасиловать женщину, а она его — нет. Тем более

если он придерживается традиционного взгляда на это дело. Как-никак мужчина тоже должен принимать посильное участие… Нарисовать тебе, как это происходит? Насколько мне известно, в школе теперь изучают это в шестом классе.

Лебеллюк *(призадумавшись).* Да, конечно природа, она… *(Озаренный новой мыслью.)* Как бы не так! Природа может обернуться против человека! Я вижу эту сцену… жалкий растерянный, ты смотришь на нее расширенными от ужаса, умоляющими глазами… все твое хрупкое существо противится этой грубой силе… но она слишком коварна и развратна с беспощадной холодностью она избегает твоего взгляда… *(Вдруг встает, взывая к воображаемым судьям.)* И вот, гражданки судьи, она плотоядно набрасывается на моего подзащитного, и — природа берет свое! Напрасно стонет и взывает о пощаде трепещущая жертва…

Леон *(глядя на него с омерзением).* Трепещущая… жертва… *(И вдруг разражается гневом.)* Мерзавец! Собирай свои бумажонки и проваливай! Если ты повторишь это в своей защитительной речи, я встану и скажу всю правду!

Лебеллюк *(оскорбившись, складывает бумаги).* Мы живем в мире абсурда» где правда стоит недешево. Из-за своего глупого мужского самолюбия

ты можешь хвастануть на суде этим подвигом, но, предупреждаю, это будет твой последний подвиг. Счастливо оставаться. Мне еще надо встретиться с двумя клиентами до начала заседания. Надеюсь, они окажутся более понятливыми. *(Уходит.)*

Оставшись в одиночестве, Леон погружается в горестные раздумья, после чего следует его лирический монолог.

Леон *(задумчиво).*

Иметь или не иметь? Вот в чем во-
прос!
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить
их
Противоборством? Памятуя об
Успехах в области анестезии,
Пойти в больницу? Умереть, уснуть
— И только…
И сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Лечь на операционный

Стол и, вдохнув эфир, уснуть…

Уснуть? И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность!

О, сладострастность этих снов! Затихнув

Под кислородной маской, тщетно будешь

Ты мысли соблазнительные гнать:

Уже ты видел, как сквозь ткань халата

Просвечивают ляжки медсестры…

Не это ли нас вынуждает медлить?!

Входит Ада, как всегда суровая и решительная.

Ада. Чем ты тут занимался?

Леон. Да вот, думал…

Ада. Не спрашиваю — о чем. Нетрудно догадаться! Кстати, мой милый, у нас скоро будут детекторы лжи, будем читать ваши мысли… А пока у меня двадцать минут до массажа. Мари-Кристин раньше двенадцати из школы не вернется. Так что еще есть время прочистить тебе мозги. *(Надевает очки, раскрывает блокнот.)* Скажи, ты хоть капельку начал раскаиваться в содеянном?

Леон. Нет, но…

Ада. *(жестко)*. Так ты продолжаешь упорствовать?

Леон *(глядя на нее масленными глазами,)*. Послушай, Ада… Я не то чтобы раскаялся, я просто многое понял. То, что я тогда, ни с того ни с сего, будучи еще совсем ребенком, поддался вдруг этому порыву… нет, конечно, не только тогда, и потом тоже, неоднократно… я осознаю свою вину, но… теперь мне все стало ясно. Какая же это бездна, наше подсознание! На какие волнующие пророчества оно способно! Ты знаешь, Ада, я совсем было уже забыл лицо той девчушки, как вдруг оно возникло перед моим мысленным взором! Ты спросишь, почему? Она была похожа на тебя!!

Взгляд Ады невольно выдает ее взволнованность этим откровением. Леон, потупя взор, что-то бессвязно бормочет. Внезапное затемнение.

Когда свет зажигается, сцена переоборудована под зал судебных заседаний. В ход пошла обстановка бывшей гостиной. Позорный столб исчез.

В центре сцены сидит Леон в своем мундире академика. Чуть сзади Лебеллюк, в адвокатской мантии, раскладывает на маленьком столике

различные бумаги. За большим овальным столом в стиле Наполеона III *восседают Симона Бомануар и две заседатель-ницы. Одеты они не без фантазии: этакое неглиже, с отвагой дополненное тюрбанами, что делает их похожими на трех лесбиянок мужеподобного вида.*

В глубине сцены сидят члены семьи и прислуга. Скамью подсудимых отделяет от судей барьерчик.

Президентша. Обвиняемый, встаньте.

Леон, мрачный, встает.

Вы — кавалер ордена Почетного легиона, член Французской академии, имеете Знак отличия министерства просвещения. Принимая во внимание ваши заслуги, Комитет Освобожденных Женщин XVI квартала решил избавить вас от позора, каким бы явился для вас открытый процесс, предусмотренный в подобных случаях. Заседание будет проходить при закрытых дверях. Вы обвиняетесь в том, что обесчестили находившуюся у вас на службе девицу Мари-Жозефину Парампюир, двадцати трех лет, незамужнюю, и зачали ей ребенка, что влечет за собой наказания, предусмотренные статьями сто двадцать вторая, сто двадцать седьмая, сто сорок седьмая и четыреста

сорок пятая нового Уголовного кодекса. Характер наказаний определяется в них соответственно, как радикальная операция или тюремное заключение сроком от семи до двадцати двух лет или штраф в размере четыре — двенадцать тысяч новых франков. Все перечисленные меры могут быть применены также по совокупности. Что вы имеете сообщить суду?

Леон. Я не признаю правомочность вашего правосудия.

Президентша *(посоветовавшись с заседательницами)*. Суд отклоняет ваше заявление как не относящееся к делу. Можете сесть. Переходим к заслушиванию свидетелей. *(Замечает Лебеллюка, ерзающего на стуле и тянущего вверх руку.)* У вас есть возражения, мэтр?

Лебеллюк *(преувеличенно тонким голоском)*. Мой клиент, госпожа президент… *(Голос у него срывается.)* Мой клиент, госпожа президент…

Президентша *(благосклонно)*. Говорите нормальным голосом, мэтр.

Лебеллюк *(виновато)*. Это невозможно.

Леон криво улыбается и бурчит: «Хитер, подлец!»

Президентша. Ну что же, продолжайте.

Лебеллюк *(пискляво изо всех сил)*. Мой клиент, госпожа президент, всеми уважаемый человек. Одни его титулы и награды, не говоря уже о его безупречной репутации, свидетельствуют в его пользу. А мы с высоты нашего положения хотим вынести ему…

Президентша *(сухо)*. До этого пока еще не дошло. Свою защитительную речь, мэтр, вы произнесете позднее. А пока прошу вас сесть и впредь не просить слова без достаточного основания.

Лебеллюк *(тотчас садясь)*. Да, госпожа президент. Больше это не повторится.

Леон. Заячья душа!

Президентша *(заметив, что Ада встает)*. Вы желаете сделать суду сообщение до начала разбора дела, мадам де Сен-Пе?

Ада *(с достоинством)*. Я считаю своим долгом поставить суд в известность, что менее двух часов тому назад мой муж в приступе животной страсти, никак не спровоцированной, прошу поверить, моими действиями, попытался меня изнасиловать.

Бурное оживление в зале. Леон явно смущен.

Президентша *(посовещавшись с заседательницами)*. Суд начинает слушание дела. Вызовите

первого свидетеля.

Пока одна из заседательниц ищет судебную повестку, а ее коллеги, придя ей на помощь, судорожно вытряхивают содержимое дамских сумочек, Лебеллюк с Леоном перебрасываются несколькими фразами.

Лебеллюк *(шепотом)*. Что, не выгорело?

Леон *(мрачно)*. Где там! Такого дурака свалять! Это все ты со своими идиотскими идеями!

Лебеллюк *(шипит, разозленный)*. В студенческие годы, помнится, у тебя не бывало проколов по этой части. Тогда они сами стелились перед тобой.

Леон; Заткнись! Тоже мне специалист! Проваливай в свою Сикстинскую капеллу.

1-я заседательница *(найдя повестку у себя за корсажем)*. Флипот Ле Публан, супруга Ля Фиселля, служанка дома.

Дрожащая Флипот, подгоняемая кулаками мужа приближается к барьеру.

Президентша *(мужским банком)*. Поклянитесь говорить правду, только правду, ничего, кроме правды. Поднимите правую руку и скажите: клянусь.

Флипот *(поднимая руку)*. Клянусь.

Президентша. Вы находитесь на службе у обвиняемого с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года?

Флипот *(испуганно)*. Да, господин президент.

Президентша *(задетая за живое, привычно поправляет)*. Госпожа. Вы были свидетельницей акта?

Флипот, Да, господин президент.

Президентша *(лающим голосом)*. Госпожа! Надо говорить: госпожа президент!

Флипот *(затравленно)*. Да, господин президент!

Президентша *(посовещавшись с заседательницами, пожимает плечами)*. Хорошо, продолжим! Не надо волноваться. Расскажите, что вы видели.

Флипот. Я послала ее, как обычно, убрать спальню месье. Сама я была на кухне. Гляжу, нет чеснока! А я как раз собиралась делать телятину с морковкой. Не знаю, как вы, господин президент, а я, когда делаю телятину с морковкой, всегда кладу чеснок. Я знаю, многие со мной наверняка не согласятся…

Президентша. Постарайтесь придерживаться фактов.

Флипот. Хорошо, господин президент. Иду я, значит, за ней, чтобы она сбегала за чесноком к итальянцу… у него лавка-то в двух шагах от нас… ну вот, открываю, значит, дверь, а он на ней сверху!

Президентша. На ком?

Флипот. На этой горничной, господин президент.

Президентша. Как он был одет?

Флипот. В свой мундир. Он с утра так одевается. Говорит, что так ему сподручнее писать свои статьи в «Фигаро».

Президентша. Понятно. И что же вы сделали?

Флипот. Я подумала — не моего это ума дело, прикрыла дверь и сама пошла к итальянцу за чесноком.

Лебеллюк *(вставая)*. Могу ли я задать свидетельнице вопрос, госпожа президент?

Президентша. Задавайте, мэтр.

Лебеллюк *(обращаясь к Флипот)*. Что, постель была застлана?

Флипот. Наполовину, месье Лебеллюк.

Лебеллюк. Называйте меня мэтром. А что, эта юная особа тоже, как и вы, застилала постель?

Флипот. Да, месье Лебеллюк.

Лебеллюк *(выведенный из себя)*. Называйте

меня мэтром! *(Обращаясь к суду.)* Кровать моего подзащитного, если мне не изменяет память, не вполне обычная кровать. Это фамильная реликвия — старинная огромная кровать, из тех, что стоят в углу. Отодвинуть ее, с тем чтобы заправить покрывало с другой стороны, под силу далеко не каждому. Проще — я бы даже сказал, естественнее — перегнуться к дальнему краю. *(Неуклюже показывает, как это делается.)* Горничной, понятно, не привыкать, для нее это дело привычное, но если взглянуть со стороны… Согласитесь, подобная поза может кому-то показаться двусмысленной, чтобы не сказать завлекающей. Хотелось бы услышать от свидетельницы, которой самой приходилось заправлять эту постель, что она думает по данному поводу.

Флипот. Ваша правда! Чтобы заправить эту треклятую кровать, надо посередке ложиться. А он только того и ждет!

Президентша. Что вы хотите этим сказать?

Флипот. Ах, господин президент, ну чего я буду вам объяснять? Мы, женщины, для того и леворюцию делали, чтобы себя от них оборонить, только ведь у них, сами знаете, всегда одно на уме! Ну вот, и когда он, значит, так ее припечатал, она, натурально, давай голосить, это уж как водится.

А я так понимаю: раз голосит — считай, дело наполовину сделано. А коли сделано, то, значит, и результата ждать недолго! Не худо бы помнить об этом всем девушкам, а то, как я когда-то, в такой же переплет попадут.

Президентша. Следует ли понимать вас в том смысле, что вы лично прошли через подобное испытание?

Флипот *(бесхитростно)*. Месье был тогда мужчина видный. А я пришла к ним в дом еще незамужней. Чего же вы хотите?

Президентша *(покоробленная)*. Все это происходило до принятия нового законодательства и потому не может быть поставлено в вину подсудимому. Благодарим вас. Вы можете вернуться на свое место. Вы хотите что-то сказать, мэтр?

Лебеллюк. Если позволите, два слова, госпожа президент. Свидетельница коротко и ясно заявила буквально следующее: «Он был сверху». *(Начинает развивать свою мысль.)* Может быть, «сверху» означает просто «на кровати»? А что если мы просто-напросто помогали этой девушке застилать кровать, ни о чем другом не помышляя?

Флипот *(даже вскрикивает от изумления)*. Как вы можете, месье Лебеллюк? Вас же тогда не

было! Месье был один!

Лебеллюк *(обмениваясь с судьями понимающей улыбкой).* Я позволю себе, с разрешения суда, оставить без ответа последнюю реплику. *(Продолжает свою речь, широко размахивая руками мантии.)* И эту помощь, гражданки судьи, я расцениваю как одно из проявлений подлинной человечности и изысканной учтивости моего подзащитного. *(Флипот, со значительностью в голосе.)* Мадам Флипот, не станете же *вы* оспаривать тот факт, что мой подзащитный по доброте душевной помогал горничной заправлять кровать? Кровать, с которой, по вашим собственным наблюдениям, чрезвычайно трудно управиться?

Флипот *(простодушно смеясь).* Ну да, месье Лебеллюк! Помогал, а как же!

Лебеллюк *(торжествующе садится).* Ну вот!.. Зовите меня мэтром… именно это я и хотел от вас услышать.

Флипот *(продолжает, хихикая).* Он ведь, хитрец, всегда так! Сначала скажет: «Подождите, дитя мое, я вам сейчас помогу!» А потом — цап! И уже поздно кочевряжиться. *(Под леденящими взглядами судей благоразумно отступает назад.)* Это так раньше было. *(Продолжает как по-писаному.)* При патриархамском режиме. Когда

сознание женщины еще не успело пробудиться. *(Заканчивает весьма рассудительно.)* Сегодня дело другое. Да и я давно уже не такая простушка!

Президентша *(сухо)*. Вот и отлично. Садитесь!

Флипот возвращается на свое место. На нее тут же набрасывается Фиселль, и они начинают вполголоса ожесточенную свару, которая, то утихая, то вспыхивая с новой силой, продолжается до конца заседания.

Президентша. В деле имеются показания пострадавшей стороны, а также копия метрики ребенка, совпадающая по числам с концом срока интересующей нас беременности. *(Леону.)* Вы признаете себя отцом ребенка?

Леон. Да, конечно. Если он от меня. Я прошу одного: показать мне его. Я ведь этого ребенка ни разу не видел. Вечно они от меня все прячут!

Президентша. Это запрещено. *(Зачитывает.)* Статья семьсот вторая: «Виновные в противозаконной любовной связи должны быть разлучены. Административные меры должны быть направлены на то, чтобы обе стороны ничего не знали о местонахождении друг друга».

Леон. Она мне говорила о своей беременности, но подсчеты были настолько приблизительны-

ми, что отцом мог быть кто угодно. Тем более что она давно уже не была аленьким цветочком. Нет, я верю только своему носу. У него мой нос?

Президентша. Видел ли кто-нибудь из присутствующих этого ребенка? Если да, то пусть даст свидетельские показания.

Флипот тянет вверх руку, в то время как разбушевавшийся Фиселль пытается удержать жену на месте.

Флипот. Я, господин президент!

Президентша *(в сильнейшем раздражении)*. Госпожа!

Флипот *(испуганно)*. Да, госпожа.

Президентша *(рычит)*. Госпожа президент!

Флипот *(затравленно)*. Да, господин президент!

Президентша *(воздевает руки к потолку)*. Флипот Ле Публан, суд готов выслушать ваши показания по этому вопросу при условии, что вы будете говорить только правду. Итак, когда вы видели этого ребенка и при каких обстоятельствах?

Флипот. Так ведь я сама отвела ее в роддом! Не хотела говорить, что она с пузом! Делала вид, будто это от пирожков! Ну вот, а уж в больни-

це сестричка мне ребенка, как родился, сразу принесла показать. Решила, видно, что я ему бабушкой буду.

Президентша. Можете ли вы описать нам ребенка, чтобы рассеять сомнения обвиняемого, а заодно и суда?

Флипот *(хмыкает, предвидя реакцию зала)*. Он был весь черный-пречерный, господин президент! Хорошенький такой сенегальчонок!

Буря в зале. У Ады истерический хохот.

Леон *(кричит Лебеллюку)*. Это посыльный Потэна. Он частенько к ней заглядывал. Я всегда подозревал, что тут дело нечисто!

Лебеллюк *(язвительно)*. У нас, в Сикстинской, тебе никто такую свинью не подложит!

Президентша *(трясет колокольчиком, требуя прекратить шум)*. Суд благодарит свидетельницу и заносит ее показания в протокол. Вы можете сесть на место.

Флипот возвращается на место и тут же вступает в яростную перебранку с Фиселлем.

Президентша. Подсудимый! Показания Флипот Ле Публан сняли с вас обвинение в незаконном отцовстве по статье четыреста сорок пятой. Одна-

ко вы продолжаете обвиняться в прелюбодеянии с вашей служанкой, прелюбодеянии, которое вы совершили в покоях, освященных Гименеем. А это преступление влечет за собой все перечисленные наказания. Сейчас суд заслушает свидетелей по вопросу о вашем моральном облике. *(Заседательнице.)* Вызовите следующего свидетеля.

1-я заседательница опять потеряла повестку. Она бросается ее искать и в конце концов обнаруживает у себя в сумочке.

1-я заседательница. Вызывается Мирей Параллюи, двадцати четырех лет, служанка дома.

Новая горничная встает, вся зажатая и смущенная.

Президентша. Поклянитесь говорить только правду, всю правду, ничего, кроме правды. Поднимите правую руку и скажите: клянусь.

Горничная *(поднимая руку)*. Клянусь.

Президентша. Вы поступили на службу в семью Сен-Пе несколько дней назад. Вас взяли на место пострадавшей. Представился ли вам за это время случай вступить в контакт с обвиняемым?

Горничная. Не сразу. Мадам хотела, чтобы я сначала получше познакомилась с домашним

укладом. И еще она сказала, чтобы я была начеку. Она много рассказывала мне про месье и внушала, что месье очень опасен, даже когда он на цепи… то есть, я хотела сказать, когда он привязан!

Президентша. В каких выражениях описывала вам мадам де Сен-Пе своего мужа?

Горничная (*смущенно)*. Ну… не знаю…

Президентша *(строго)*. Что значит «не знаете»? Суд предупреждает вас. Вы поклялись говорить всю правду!

Горничная, *(решается, не без стеснения)*. Мадам говорила, что он старый развратник и притворщик.

Шепот в зале. Леон опускает голову. Похоже, ему не по себе оттого, что сейчас скажет Горничная.

Президентша. При каких обстоятельствах вам довелось общаться с обвиняемым?

Горничная. Сегодня утром я пришла отвязать ему правую руку, чтобы он написал свою колонку в «Фигаро».

Президентша. И как он держался все это время?

Горничная *(после легкого замешательства)*.

Очень вежливо. Попросил только потереть ему затекшую руку, а то он писать не мог.

Президентша. И вы это сделали?

Горничная. А чего такого!

Президентша. Скажите, пока вы растирали ему руку, вы не заметили в его поведении ничего предосудительного?

Горничная. Да нет вроде.

Президентша. Суд благодарит вас. Вы слишком недолго пробыли в доме, чтобы можно было ожидать от вас каких-то новых подробностей.

Ада *(вставая).* Свидетельница сообщила далеко не все! Я прошу суд задать ей вопрос: в какую игру мой муж попросил ее поиграть с ним?

Горничная *(после некоторой растерянности)* Он попросил меня побыть горбуном с улицы Квинкампуа.

Оторопь в зале. Президентша в недоумении шушукается с заместительницами. Лебеллюк обеспокоенно наклоняется к Леону.

Президентша *(явно заинтригованная).* Не могли ли бы вы пояснить нам, что в точности означает выражение «побыть горбуном с улицы Квинкампуа»?

Горничная *(хихикнув).* Да ничего такого! Просто надо держать на спине блокнот, чтобы человеку

было удобно писать. Особенно когда у него только одна рука отвязана.

Президентша *(слегка разочарованная)*. И это называется «побыть горбуном с улицы Квинкампуа»?

Горничная *(простодушно)*. Ну да. А вы чего подумали?

Президентша *(свысока)*. Ничего! Здесь вопросы задаю я!

Ада *(вскакивает, брызжа слюной)*. Да, он попросил ее подержать на спине блокнот, как знаменитый горбун эпохи Регентства! Но пусть она вам расскажет, госпожа президент, про безобразную и двусмысленную позу, в которую он ее при этом поставил!

Президентша. Поясните ваши слова.

Ада *(бушуя)*. Горбун с улицы Квинкампуа действительно подставлял свой горб различным спекулянтам, которые подписывали на нем всякие там бумаги. Но, во-первых, у него был настоящий горб и очень удобный горб! И к тому же он был мужчина, мужчина в возрасте, да еще обиженный природой! Разве он мог, подставив свой горб спекулянтам, возбудить в них какое-нибудь желание? Тем более что голова у них была занята совсем другим. А теперь я прошу судей предста-

вить себе, как свидетельница, пытаясь удержать на спине блокнот, складывается пополам и выставляет свой зад на обозрение моему мужу!

Лебеллюк тянет вверх руку, привставая со стула.

Президентша. Говорите, мэтр.

Лебеллюк *(устраивает пантомиму)*. Прошу суд вникнуть в ситуацию. Вот я кладу на спину блокнот и нагибаюсь. *(Блокнот падает, Лебеллюк распрямляется)*. Видите, надо нагнуться таким образом, чтобы удержать блокнот в равновесии. Спина при этом должна быть прямая, зад подан чуть назад… вот так, иначе не выгнешь спину. *(Застыл, согнувшись пополам.)* Взгляните! Разве моя поза настраивает вас гражданки судьи, на игривый лад?

Оживление в зале.

Президентша *(резко)*. Сядьте, мэтр. Ваша демонстрация неубедительна. И вообще, вы выказываете неуважение суду… Продолжим восстановление картины. Подсудимый, встаньте. Теперь пускай свидетельница примет позу, в которую вы поставили ее сегодня утром, чтобы вам было удобнее писать.

Горничная нагибается перед Леоном, который стоит не шелохнувшись. Горничная тоже застывает как изваяние. Все это выглядит вполне благопристойно.

Президентша. Обвиняемый, сделайте вид, что вы пишете.

Леон пишет. Горничная издает какие-то странные звуки.

Горничная *(хихикает)*. Когда он так быстро пишет, страсть как щекотно!

Президентша *(посовещавшись с заседательницами)*. Достаточно. Можете сесть на свое место. Инцидент исчерпан. Суд не может поставить в вину подсудимому то, что он положил блокнот на спину горничной.

Лебеллюк *(вскакивает)*. Защита благодарит суд за понимание в этом вопросе!

Ада *(вскакивает)*. Нет, ему это так не пройдет! Я прошу судей представить себе, какое направление должны были принять мысли моего мужа при виде почти голого тыла этой барышни!

Президентша *(начиная раздражаться)*. Суд имеет дело только с голыми фактами! Итак, этот вопрос закрыт. Нам осталось допросить, если не ошибаюсь, еще одного свидетеля из домашней

прислуги.

1-я заседательница *(чуть было снова не потерявшая повестку)*. Вызывается Люсьен Ля Фиселль, слуга дома.

Фиселль *(вскакивает, руки по швам)*. Полотер, командир!

Президентша. Что — полотер?

Фиселль. Я полотер! Натираю полы!

Пауза.

Президентша. Вас об этом никто не спрашивает. Выйдите к барьеру и поклянитесь говорить правду, только правду, ничего, кроме правды. Поднимите правую руку и скажите: клянусь,

Фиселль *(поплевав на свою грязную руку, вытирает ее о штаны и, радуясь своей новой роли, поднимает руку вверх)*. Клянусь головой моей женушки!

Президентша. Вас никто не просит клясться ее головой. Сколько лет вы находитесь на службе у обвиняемого?

Фиселль. Одиннадцать, глубокоуважаемая госпожа президент!

Президентша *(поморщившись)*. Просто «госпожа президент»! И как вы с ним ладили все это время?

Фиселль. Как сапог с портянкой!

Президентша. Суд просит вас выбирать выражения, Вы сказали, что полотер. Ваша работа такова, что вам, вероятно, не часто приходилось тесно общаться с обвиняемым?

Фиселль *(почувствовав себя в своей стихии)*. Как бы не так! Это я только зовусь полотером, а вообще, чего я только не делаю! В этом доме так уж заведено: никакой специализации. Приношу ему утром, к примеру говоря, начищенные ботинки или отутюженные брюки, ну и, натурально, покалякаем немножко. Месье, он любит общаться с народом, а я люблю поговорить с умным человеком. Глядишь, тоже ума-разума наберешься. И потом, не забывайте, кто, как не я, кормил его все это время, что он стоял у позорного столба! А ведь он такой жук, с ним замучаешься! «Ложечку за папу, ложечку за маму»… Я уж перед ним чуть не лебедем скакал! Особенно когда дело до шпината доходило. Не любит он шпинат, хоть ты тресни! Но, вообще говоря, ничего худого о нем я вам не скажу.

Президентша. А в моменты близости с обвиняемым, о которых вы сейчас говорили, случалось ли ему делиться с вами какими-то интимными подробностями? Например, своими сексуальны-

ми увлечениями?

Фиселль. О! Не могу сказать, что он не пытался. Но я его не слушал! Таков был приказ! А для Фиселля приказ — это закон! У нас на фронте офицеры как говорили? «За Фиселля можно быть спокойным. Этому только прикажи!» Так что я его не слушал. Приказ есть приказ! *(После паузы.)* Но уши-то мне на что даны? Так что, сами понимаете, я все слышал.

Президентша. И что же вы слышали?

Фиселль. Да ничего особенного. Ничего такого, о чем я должен был доложить по инстанции. Я, знаете, действую согласно инструкции! Да и о чем ему было говорить? Ну вспоминал про всякие так милые мордашки и аппетитные ляжки… Ну всплакнул разок-другой… *(Косится в сторону Леона, явно готовя какое-то вероломство)*. Вы уж, месье, не обессудьте, но начальству надо говорить все как на духу! Так вот, сказать вам по правде, месье всегда немножко грустил по старым порядкам. Много ведь таких, которым наша леворюция не по сердцу пришлась! В общем, когда он что-нибудь этакое говорил, я становился непроницаемым, как броня! Потому что сам я, спросите хоть у моей жены Флипот, в жизни своей не позволил себе не то что похаб-

ного слова — худого намека, ей-богу, даже под этим делом! Нельзя, и все! Да и на кой они мне сдались, эти мордашки? Я, знаете, в этом вопросе строг. Чтоб все по закону! Кюре там, библия, и все честь честью. Отведите мне специальный день на исполнение супружеского долга, и я первый крикну: «Будет исполнено, мой лейтенант!» От чистого сердца. Я ведь не баламут, как некоторые. Слово женщины для меня закон! Да что там слово! Словечко, тайный знак — и я готов! Но только чтоб в установленный день! Недаром у нас на фронте…

Президентша *(не выдержав, перебивает его)*. Вы отвлеклись. И вы не ответили, по существу, на мой вопрос. Скажите, когда у обвиняемого была связь с девицей Парампюир, посвящал ли он вас в свои с ней отношения?

Фиселль. Не в его это характере. Я, конечно, пытался его прощупать… на случай, если придется вот так вот докладывать по инстанции. А что, она ничего, говорил я ему. А он — ни звука. Месье привык все делать втихаря.

Президентша. Случалось ли вам застать их вместе?

Фиселль. Что вы! По части маскировки это такой жук! В любую щель спрячется. И не видно

его, не слышно. Столько лет всех за нос водить… конечно, насобачился! У него уже свои отработанные приемы. Может, он все это в спальне проделывал, когда горничная убираться приходила… А может, когда она утречком приносила завтрак ему на верхотуру… Только не на кухне! Там всегда Флипотка толчется! И не у нее в комнатке на втором этаже, где живет вся прислуга. Исключено. Сам проверял.

Флипот *(подскакивая)*. Так это ты, паскудник, проковырял дыру на уровне умывальника?

Фиселль. Не будем об этом. Я же тебе еще тогда сказал, когда ты попросила меня ее заделать, что это старая дыра, проковыренная еще при патриархамстве. Стало быть, списано амнистией!

Флипот. Все равно это твоих рук дело! Это ты ее проковырял, чтобы подсматривать за кухарками, когда они перед сном раздеваются! Грязная свинья!

Фиселль. Я ж тебе говорю: дыра старая!

Президентша *(выйдя из себя, звонит в колокольчик)*. Замолчите оба, не то вы будете удалены из зала! Свидетельница Флипот, сядьте на место!

Флипот *(садясь)*. Ты мне за это еще ответишь!

Фиселль *(запуганный)*. Вы уж скажите, командир, как все было, если она вдруг пожалуется в

Комитет. Законы-то на что? Дыра ж попала под амнистию! Это раньше можно было плевать на закон, а сейчас, моя дорогая, не те времена! *(Видно, что он «поджал хвост».)* Если хотите знать, там просто известка отвалилась. А я эту дырочку так заштукатурил — ни одна живая душа не обнаружит! И вообще, мой президент, я ею давно уже не пользовался. Я ведь стал совершенно другим человеком! *(Сообразив, что его могут превратно истолковать.)* Да я за новое общество в огонь и в воду!

Флипот *(кричит мужу)*. Врешь, отлетела вчера замазка! Ни к черту твоя штукатурка не годится!

Фиселль *(пытается сохранить хорошую мину при плохой игре)*. Отлетела, говоришь? Значит, высохла. На то она и штукатурка. Все имеет свой предел.

Президентша *(сквозь зубы)*. Наше терпение тоже! Так вы не желаете сообщить суду ни одного конкретного факта, касающегося подсудимого? Хочу напомнить вам, что в ваших интересах полностью отмежеваться от патриархамских взглядов и поступков вашего патрона. Подозрений вашей жены в отношении некоторых ваших действий, на мой взгляд, достаточно, чтобы заявить в Комитет Бдительности с указанием на

нарушение вами статьи семьсот двенадцать. Поймите суд правильно, я не оказываю на вас давления. Но не забывайте: я — женщина, и к тому же член Комитета. Так что если нам все же придется заняться вами, мне достаточно будет заверить моих коллег в вашей лояльности, чтобы они отнеслись к этому относительно легкому проступку с известной снисходительностью…

Наступает тишина.

Фиселль *(бледный от страха, затравленно озирается; кричит).* Я все скажу! Спросите хоть кого у нас в полку, и вам ответят: «Фиселль не дурак. Фиселль, если надо, все скажет!» Так вот, когда он почуял, что пахнет жареным, — через два часа суд, а он стоит привязанный — он стал предлагать мне деньги, чтобы нам вместе бежать в Швейцарию. А я ему ответил: «У женщин, может быть, и есть недостатки, но хорошая жена — это хорошая жена! И потом, у вас дети. Нельзя же их вот так бросить!». Вот как я ему ответил. Истинный крест! Это я вам говорю, как мужчина мужчине. *(Поворачивается к Леону.)* Разве я вам так не сказал, патрон?

Леон *(помедлив считанные секунды, с достоинством).* Сказал. Именно так, слово в слово.

Фиселль. Спасибо, патрон! Вот это по-нашему. Я ж вам говорил, за Фиселля можете быть спокойны! Долой партиархамов! Да здравствует Франция!

Президентша. Суд благодарит вас. Можете сесть. *(Заглянув в кодекс и посовещавшись с заседательницами.)* Подсудимый, вы обвиняетесь в замышлении побега за границу. Статья восемьсот тринадцатая: от пяти до десяти лет принудительных работ. А теперь заслушаем членов семьи. Хочу предупредить: новый кодекс закрепил за женщинами право свидетельствовать против любого родственника мужского пола, даже не принося при этом присяги. Вводя эту статью, наши законодатели продемонстрировали свое желание защитить и упрочить права женщины на интуитивные суждения — права так долго за ними не признававшиеся.

Она делает знак. 1-я заседательница вызывает свидетеля.

1-я заседательница. Мадам Габриэль Пинар-Легран, теща обвиняемого.

Бабушку, слегка сомлевшую, подводят к барьеру.

Президентша *(приветливо)*. Подайте стул свидетельнице! Это ради вас, мадам, я сделала небольшое разъяснение относительно действия нового закона. Вы уже в преклонном возрасте, вся ваша сознательная жизнь прошла при патриархамском режиме, поэтому мы заранее извиняем вас за то, что вас, по-видимому, не успели коснуться последние веяния.

Бабушка *(внезапно кричит)*. Я родилась двадцать восьмого марта тысяча восемьсот девяносто шестого года в Сен-Квентине.

Президентша. Прекрасно, мадам, но для суда эта деталь не имеет принципиального значения. Мы хотели бы услышать ваше мнение об интимной стороне жизни вашего зятя с вашей дочерью.

Бабушка *(все так же громко)*. Сен-Квентин — это на севере. Но вообще мы из Вогеа. Отец переехал в Сен-Квентин после размолвки со своим дядей.

Президентша *(начиная недоумевать)*. Прекрасно, мадам. Я задам вам один конкретный вопрос. Все мы знаем, каким замечательным чутьем, какой бдительностью отличаются тещи. Скажите, кажется ли вам, по крайней мере в последние годы, что ваша дочь и ваш зять по-настоящему

близки, как полагается супружеской паре?

Бабушка *(не задумываясь)*. Что за вопрос! Если бы не война тысяча десятьсот четырнадцатого года, мы бы до сих пор жили в Сен-Квентине. Мы все ненавидим этот Париж. Все, кроме моего брата. Он у нас большой оригинал. Мы его никогда не понимали. Зачем-то женился на девушке из другого круга!

Президентша *(теряя терпение)*. Ну а ваш зять?

Бабушка *(с высокомерным смешком)*. Должна вам сказать, ее вкусы оставляли желать лучшего. Она красилась! Да-да! Поговаривали, что она держит меблирашки в Лувисьенне.

Ада, вне себя, говорит что-то на ухо Флипот, та Фиселлю, он 1-й заседательнице, а та в свою очередь наклоняется к Президентше. В результате последняя начинает кричать что есть мочи.

Президентша. Мы хотим, чтобы вы нам рассказали о муже вашей дочери!

Бабушка *(не уступая ей в громкости)*. Очередь? Это вы верно сказали. Не успела с первым мужем развестись, как уже опять выскочила! Потому-то мы никогда и не виделись с моим братом. Разве что на похоронах. На похороны он один

приезжал.

Президентша *(орет)*. Мадам, выслушайте меня наконец!

Бабушка *(спокойно)*. По-моему, я только это и делаю! И зачем так кричать? Говорите почетче, вот и все.

Президентша *(тщательно выговаривая слова)*. Я хочу задать вам один вопрос. Ответьте положа руку на сердце: подсказывало вам когда-нибудь ваше чутье, чутье супруги и матери, что все мужчины, за редким исключением, виновны в том или ином преступлении?

Бабушка. По правде сказать, я тогда была совсем молоденькой… И вообще, я политикой никогда не интересовалась… Но, должна вам заметить, мой отец всегда считал капитана Дрейфуса виноватым.

Президентша *(отчаявшись)*. Благодарю вас, мадам. Вы можете вернуться на свое место. Проводите ее кто-нибудь… Мадам де Сен-Пе!

Леон говорит что-то на ухо Лебеллюку. Потом, порывшись у себя в кармане, дает ему вчетверо сложенный лист. Лебеллюк читает его про себя.

Ада *(провожая мать на место)*. Идем, мама. Я посажу тебя.

Бабушка *(сев на место, обращается громко к дочери)*. Не понимаю, неужели надо было тащить меня сюда, чтобы задавать вопросы о капитане Дрейфусе! Она мне сразу показалась странной, эта президентша! Похожа на переодетого мужчину, ты не находишь?

Ада *(кричит ей прямо в ухо)*. Она хотела услышать твое мнение о Леоне!

Бабушка. По какому праву? Это наше семейное дело.

Ада *(задетая)*. Уже нет. К счастью. Теперь это судебное дело. Женщина получила наконец права.

Бабушка. Знаешь, однажды соседка пришла ко мне со словами: «Кто-то видел, как ваш муж входил с женщиной в отель *Терминюс*». «Вот как? — сказала я. — А я слышала, что это были вы, мадам».

Ада. Ты мне рассказывала эту историю уже раз двадцать. Заседание еще не закончилось, мама. Помолчи, пожалуйста.

Бабушка *(возмущенно)*. И все-таки я не могу понять, почему мне задают такие вопросы?!

Ада *(возвращаясь к барьеру)*. Я прошу у суда прощения. Я полагала, что мама будет в состоянии отвечать на вопросы. Иногда она отлично слышит.

Бабушка *(кричит со своего места)*. Я всегда отлично слышу!

Президентша. Если защита не возражает, суд не станет больше допрашивать свидетельницу.

Лебеллюк *(вставая)*. Защита не возражает, госпожа президент. Однако защита хотела бы огласить перед судом небольшое послание, которое мы получили от нашей тещи непосредственно по случаю последнего дня рождения.

Президентша *(посовещавшись с заседательницами)*. Можете огласить, мэтр.

Лебеллюк *(читает)*. «С днем рождения, мой дорогой Леон! Понимаю, как грустно встречать его привязанным к позорному столбу. Совсем жены с ума посходили! Но вы сами виноваты: не надо было попадаться. Мой муж изменял мне всю жизнь, но оставался при этом человеком в высшей степени достойным. Он все устраивал так, что я без труда могла делать вид, будто я ни о чем не догадываюсь. Сама я, кстати, ни разу ему не изменяла — по той простой причине, что эта сторона жизни меня мало интересовала. Что до моей дочери, то она не из тех женщин, которые без предрассудков. Ничего, не падайте духом. Я приготовила для вас большой шоколадный торт, какой вы любите. Сегодня ночью малышка

принесет вам его». Подписано: Габриэль.

Оживление в зале. Бабушка, которая явно все слышала, улыбается, довольная.

Ада *(подскакивает как ужаленная, кричит)*. Мама!

Бабушка *(спокойно)*. Что случилось, малыш? У тебя где-нибудь бобо?

Ада *(истерически)*. Мама, как тебе не стыдно! Я ведь твоя дочь!

Бабушка *(невозмутимо)*. Ну разумеется. Зачем кричать? Все и так это знают.

Ада. Никогда не думала, что ты начнешь защищать Леона! Да еще в такой момент!

Бабушка *(перебивая ее в раздражении)*. Как, и ты тоже? Но я же тебе тыщу раз говорила, что твой дедушка и не думал защищать Дрейфуса!

Ада *(со слезами на глазах, визжит и топает ногами)*. Мама, не устраивай здесь цирк! Ты издеваешься надо мной! Я же знаю, ты прекрасно слышишь все, что тебе надо! И я знаю, тебе прекрасно известно, что у нас вовсе не о капитане Дрейфусе разговор! Здесь говорят о Леоне!

Бабушка. Так бы сразу и сказала. А то вечно все путаешь.

Ада *(всхлипывая)*. О Леоне, который мне изме-

нял в моем же доме… и с кем? С какой-то девкой… и еще ребенка ей сделал!..

Лебеллюк *(вставая)*. Защита протестует против тенденциозных утверждений противной стороны! Они предвосхищают решение суда! Мы не можем быть отцом. Ребенок черный!

Ада *(давясь рыданиями)*. Да… вам легко говорить…

Президентша *(звонит в колокольчик)*. Суд уже принял решение по поводу обвинения в незаконном отцовстве. Вы можете сесть на место. Суд еще не выслушал сына подсудимого. *(Делает знак 2-й заседательнице.)*

2-я заседательница *(вызывает)*. Шарль-Анри де Сен-Пе!

Тото *(поправляет ее, вставая)*. Тото.

Президентша *(подскакивает)*. Что «Тото»?

Тото *(приближаясь к барьеру)*. Меня все зовут Тото. На Шарля-Анри я не отзываюсь.

Президентша. Здесь вам не дружеский пикник, а зал заседаний! Нас интересуют точные данные из акта гражданского состояния.

Тото. Ах так? Я-то хотел, чтобы мы все почувствовали себя более непринужденно.

Президентша. Шарль-Анри де Сен-Пе, хоть вы и являетесь членом семьи обвиняемого, но по-

скольку ваши показания, как показания всякого мужчины, справедливо ставятся под сомнения нашим законодательством, вам придется дать клятву. Поклянитесь говорить всю правду, только правду, ничего, кроме правды. Поднимите правую руку и скажите: клянусь!

Тото *(поднимая левую руку)*. Клянусь!

Президентша *(раздраженно)*. Я же вам сказала — правую!

Тото *(невозмутимо)*. А я левша. И к тому же левак.

Президентша. Не имеет значения. Все равно вы обязаны поднять правую руку.

Тото *(упрямясь)*. Я бы с радостью, но я плохо ею владею. *(Еле-еле приподнимая правую руку)*. Клянусь по новой! Хотя в этом есть что-то фашистское.

Президентша *(у нее сдают нервы)*. От вас требуют, чтобы вы сказали: клянусь!

Тото. Я так сразу и сказал. Вы же сами заставили меня клясться по новой!

Президентша. Вам известно, что непочтительное отношение к суду карается по статье девятьсот двенадцать Уголовного кодекса? Зачитать вам ее?

Тото *(проявляя показное смирение)*. Не надо!

Если вы настаиваете… Клянусь!

Президентша *(отдуваясь)*. Вот и хорошо. Какими были ваши отношения с отцом?

Тото. Плохими. Я его боялся.

Президентша. Он вас бил?

Тото. Куда ему! Уже в двенадцать лет я был сильнее его. Он знал, что я могу дать сдачи. А отчаянной храбростью он у нас никогда не отличался.

Президентша. Но если вас не пугала физическая сила, то чего вы тогда боялись?

Тото *(столь же кротко, сколь и фальшиво)*. Предмета его мужской гордости, госпожа президент.

Оживление в зале.

Президентша *(заинтересованно)*. Поясните ваши слова.

Тото. Я с детства жутко закомплексованный. Для психоаналитика я просто находка.

Президентша *(весьма заинтересованно)*. Вы сказали, что этот… предмет вселял в вас страх. Вы что, видели его?

Тото. Спрашиваете! Это вы, женщины, делаете свои дела соло, а у нас, стоит нам встретиться в кафе или в ресторане, мигом составляется

ансамбль. Смотри — не хочу! Общественные писсуары — вот на что надо обратить внимание ваших законодателей! Вы, женщины, об этом не задумываетесь, поскольку просто никогда почему-то туда не заглядываете.

Президентша *(глубокомысленно записывая)*. Очень… очень интересно… Действительно, эта проблема как-то выпала из поля нашего зрения.

Тото *(безапелляционно)*. Пора ликвидировать писсуары! Вот где по сей день стоит тяжелый дух патриархамского наследия!..

Президентша *(с нежностью)*. По всему видно, молодой человек, вы оказались очень восприимчивым к новым идеям, с чем я вас от души поздравляю. Среди мужчин эта такая редкость!

Тото. Да, после леворюции стало полегче… Но в детстве… этот предмет — он мне повсюду мерещился! Стоило горничной взять швабру, как я забивался в погреб и сидел там, весь дрожа. А эта скалка, какой раскатывают тесто! Из-за нее я отказывался от яблочного пирога — меня тошнило при одном его виде!.. Я четыре раза заваливал экзамены на степень бакалавра! Думаете, они повели меня к психиатру? Фига с два! Только и знали, что запирать на все лето, чтобы я потел над дипломом! Психиатр, тот бы им объяснил,

что у меня непреодолимый страх перед шариковой ручкой…

Президентша *(готова прослезиться)*. Бедное, бедное дитя!

Тото *(сам растрогавшись)*. Да, печальная история, госпожа президент! Закомплексованный ребенок… А сколько их вокруг! Тысячи…

Президентша *(растроганно)*. Бедняжка! Жизнь с самого начала стала для вас суровым испытанием. И вы вините в этом своего отца?

Тото *(чеканно)*. Да. Во всем.

Президентша *(поворачиваясь к Леону, сурово)*. Подсудимый, встаньте! Только что вы слышали исповедь вашего несчастного ребенка. Что вы можете сказать в свое оправдание?

Леон *(обращаясь к Тото)*. Ну-ка, посмотри мне в глаза!

Тото *(чувствуя себя неуютно под отцовским взглядом)*. Думаешь, я тебя боюсь?

Леон. Не думаю. На твоей стороне суд, и новый Уголовный кодекс, и общественное мнение. Чем ты рискуешь?

Тото поднимает на него взгляд исподлобья.

Когда твоя мать, невзирая на мои протесты, поместила тебя все же в интернат, кто, скажи,

каждое воскресенье тайком перелезал через стену, чтобы утешить тебя хоть немного?

Тото *(с неожиданным озлоблением)*. Скажите, чтобы он замолчал! Он хочет мне всю душу вымотать! Это такая лиса! Послушаешь его пять минут и уже не знаешь, на каком ты свете!

Президентша *(гневно одергивает Леона)*. Сядьте, подсудимый! Не смейте терзать несчастное дитя! Здесь вы обвиняемый. Это вас карает суровый закон нашего общества. Вас, а не его!

Леон *(спокойно)*. Я всего лишь хотел ему напомнить его детство. Помимо того, что вселяло в него такой ужас, он видал от меня и другие игрушки.

Негодование в зале.

Ада *(вскакивает)*. Господи! Какой же ты хам! Ничего святого!

Президентша *(тоже вскакивает, вопя и потрясая колокольчиком)*. Замолчите! Вы лишаетесь слова! Вы попадаете под статью триста семнадцатая: «непристойные намеки», и под статью девятьсот двенадцатая: «оскорбление суда»! Суд удаляется на совещание.

Она и заседательницы лихорадочно собирают все бумаги и законоположения. В суматохе они то и дело сталкиваются лбами. Стража! Увести

подсудимого! Очистить зал! Все свободны!

Замешательство в зале. Все вскакивают со своих, мест.

Лебеллюк *(нагибается к Леону)*. Ну вот тебе и амбец! Твой сортирный юмор, старина, доканал-таки тебя. На этот раз окончательно.

Фиселль *(подходит к Леону)*. Пошли, что ли? Приказ есть приказ, патрон! *(Уводит совершенно сникшего Леона.)*

Участники судебного заседания расходятся, обсуждая скандальное происшествие.

Лебеллюк *(подходит к рампе и обращается к зрителям)*. Вы что, не слышали? Очистите зал. Антракт.

Занавес не опускается. Просто с уходом. Лебеллюка свет гаснет.

Когда после антракта зрители вернутся в зал, персонажи пьесы в темноте займут свои места на сцене. Зажжется свет, войдут члены суда, все встанут.

Президентша. Прежде чем предоставить слово защите, суд постановил, в виде исключения, заслушать младшую дочь подсудимого, десятилетнюю Мари-Кристин, по просьбе обвинения.

Как вам известно, все юные авангардистки обязаны еженедельно докладывать своим воспитательницам, о чем секретничают их родители. Руководствуясь этим параграфом нашего законодательства, мы и заслушаем сейчас юную свидетельницу.

Минуты долгого ожидания. Наконец Президентша не выдерживает.

Ну, где же она?

Флипот *(входит, ведя за руку Мари-Кристин)*. Вы уж простите ее, господин президент. Мы ходили по-маленькому.

Президентша *(с материнской нежностью)*. Подойди сюда, моя крошка. Не бойся. Это очень добрые тети. Здесь тебе будет так же уютно, как в кабинете, где у вас по субботам проводится тематический урок «Расскажем все про пап и мам!». Мы тоже немножко поспрашиваем тебя про твоего папу. Но сначала скажи: ты, конечно, любишь свою маму? Мари-Кристин *(мгновенно включаясь в «игру»)*. Угу.

Президентша. И ты, конечно, защищаешь ее от папы, как все хорошие девочки?

Мари-Кристин *(подыгрывая)*. Ага.

Президентша *(довольная таким поворотом)*.

Умница. Я тебя буду спрашивать, про что говорят у вас дома, а ты мне отвечай. Только по правде, все по правде, ничего не понарошку! Взрослых мы просим поднимать правую руку и говорить: клянусь. А детей — нет. И знаешь почему?

Мари-Кристин *(совсем по-детски)*. Потому что проклинать нехорошо.

Президентша *(умилившись, обращается к совершенно млеющим заседательницам)*. Какая прелесть! Нет, не поэтому, но это неважно. Мы только хотим, чтобы ты отвечала честно и без утайки. Скажи, как относился к вам папа? Наверно, он всегда был с вами злой-презлой?

Мари-Кристин. Не-а.

Президентша *(несколько разочарованно)*. Нука, подумай хорошенько. Хоть полстолечка-то был? Неужели он не бил тебя по попе? И не давал подзатыльник, когда ты привирала или переворачивала на скатерть чашку с чаем? С кем не бывает…

Мари-Кристин. Не-а.

Президентша *(терпеливо)*. Мы с тобой знаем, что мама имеет право наказать свою маленькую дочку, для ее же пользы. А папе теперь уже нельзя это… Так, может быть, он все-таки шлепал тебя? Тайком от мамы?

Мари-Кристин. Не-а!

Президентша. Ну да, ты у него единственная дочка, вот он тебя и баловал. Ничего удивительного. Ведь любимая твоя мамочка тоже никогда тебя не шлепала, правда?

Мари-Кристин. А вот и нет! Шлепала!

Ада *(подскакивая)*. Мари-Кристин! Не смей так говорить! Разве я тебя била?

Мари-Кристин *(закрывая личико рукой)*. Нет, мамочка! Ты ведь это делала для моей же пользы!

Президентша. Довольно. Папа тебя не обижал, мы это поняли, и хватит. Но все равно, сознайся, он был более суров с тобой, чем мама?

Мари-Кристин. Не-а. *(Вдруг закрывает личико рукой и делает шаг назад.)* Да!

Президентша *(удовлетворенно)*. Так мы и думали. И ты помнишь, когда он в последний раз особенно ругал тебя?

Мари-Кристин молчит.

Ну-ка, постарайся припомнить! За что он тебя ругал?

Мари-Кристин *(сдаваясь)*. За горничную. Президентша *(обрадованно)*. Так-так! За горничную, значит? И как же это было?

Мари-Кристин *(помявшись)*. Я без стука вошла к папе в спальню, когда она там убирала, и увидела…

Вдруг она замолкает. Леон с Лебеллюком обмениваются беспокойными взглядами.

Президентша. Ну, смелее! Мы здесь собирались, чтобы узнать правду, а все благоразумные маленькие девочки всегда говорят правду. Итак, ты вошла без стука к папе в комнату, когда она убирала, и увидела… что? Расскажи нам, что же ты увидела, моя малышка, пусть даже тебе немножко стыдно вспомнить… Сделай это ради любимой мамочки!

Мари-Кристин *(наконец, решается)*. Я увидела, как горничная выливает папин одеколон себе под мышки. Я сказала про это маме, а вечером папа меня отругал и сказал, что заниматься доносами некрасиво.

Президентша *(несколько разочарованно)*. Некрасиво… но не всегда. Например, сейчас это даже хорошо! Интересно, что делал твой папа, когда горничная брызгала духами у себя под мышками… Он на нее смотрел? Они стояли рядом?

Мари-Кристин. Не-а. Папы там не было. Он уже поднялся в кабинет.

Президентша *(еще более разочарованно)*. А-а… Понятно. Ну а к нему в кабинет ты никогда не заглядывала?

Мари-Кристин. Нет, мадам. Мне не разрешали!

Президентша. Но ведь ты все равно туда поднималась, как все любопытные маленькие девочки… Ах, как это было давно! *(Заигрывает с девочкой и сюсюскает; не отстают от нее и заседательницы)*. А ну-ка сознаемся, что мы украдкой поднимались в папин кабинетик, стараясь, чтобы ступеньки не скрипели!

Мари-Кристин *(еле слышно)*. Да, мадам.

Президентша *(тоном провокатора)*. И ты прикладывала ушко к двери, моя маленькая хитрюшка!

Мари-Кристин *(опуская голову)*. Да, мадам. Я поступала дурно.

Президентша. Ну что ты! Ну что ты!.. И что же ты услышала под дверью деточка? Мой мизинчик мне подсказывает, что это было что-то очень интересное.

Мари-Кристин *(поколебавшись, признается)*. Да. Тяжелые вздохи.

Президентша *(просияв)*. Ну вот! Вздохи. Тяжелые вздохи! Может быть, еще какие-нибудь слова! В перерывах между вздохами?

Мари-Кристин. Да, мадам. *(После некоторого молчания добавляет.)* Только я не могу их повторить. Маленькие девочки не должны повторять такие слова.

Оживление в зале. Леон и Лебеллюк проявляют явные признаки беспокойства.

Президентша *(все более ханженским голосом)*. Ты права, плохие слова обычно не следует повторять. Но если их произнесли твои родители, тем более папа… Разве воспитательница не объяснила вам, что в этом поступке нет ничего дурного?

Мари-Кристин молчит.

Ада *(вскакивает)*. Мари-Кристин, я приказываю тебе сказать всю правду!

Мари-Кристин *(инстинктивно прикрываясь локтем)*. Хорошо, мамочка!

Ада. Повтори госпоже президенту, что ты услышала в перерывах между тяжелыми вздохами! Даже если это были очень дурные слова! Кто их произносил? Папа?

Мари-Кристин. Да, мамочка!

Президентша. И что же он сказал, кончив тяжело дышать?

Мари-Кристин *(секунду помедлив, вдруг выпа-*

ливает). Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! Весь по уши в дерьме! Строчки больше не напишу в эту дерьмовую «Фигаро»!

Всеобщая растерянность.
Облегчение Леона и Лебеллюка.

Президентша *(разочарованно)*. И это все?

Мари-Кристин *(изумленно)*. Ничего себе все! Если б я даже половину этого сказала, мне бы тако-ое было!

Смешки в зале.

Ада *(приближаясь к дочери, ледяным тоном)*. Вот что я тебе скажу, Мари-Кристин. Хватит строить из себя дурочку и ломаться тут перед нами! Будь так добра сказать всем присутствующим, что ты мне недавно говорила.

Мари-Кристин *(закрываясь локтем)*. Хорошо, мамочка!

Ада *(раздраженно)*. И опусти локоть! Новый фокус! Еще подумают, что мама только то и делает, что лупит тебя!

Мари-Кристин *(со страху не соображая)*. Да, мамочка! То есть, нет, мамочка!

Ада *(обращаясь к суду)*. Дети — это такие актеры! Никогда не добьешься от них правды!

Президентша. Сядьте, пожалуйста, на свое место. Она вас побаивается… Мы ведь с ней подружились, да, моя кисонька? Вот увидите, она мне сейчас повторит все, что говорила вам… Да, деточка? Какие у нас огромные и красивые глазки! Какие у нас вишневые губки! *(Все трое наклоняются, к девочке, чуть не облизываясь от ее аппетитного вида.)* А эти розовые щечки, как два персика, которые так и хочется ам-ам…

1-я заседательница. А эта миленькая попочка…

Президентша *(призывая ее к порядку)*. Сюзанна! *(Вновь поворачивается к Мари-Кристин)*. Ну вот, сейчас она нам расскажет, как все послушные девочки, что она думает про своего папу…

Мари-Кристин *(говорит заученно, как примерная школьница)*. Мой папа, как все мужчины, никогда не говорил правду. Когда он говорит, что был в театре, то не знает, про что пьеса, и у него нет к тому же при себе программки. Когда он говорит, что был в Академии, от него пахнет рисовой пудрой и дешевыми духами… *(Заученно всхлипывает.)* И ведь не коллеги же его, надо думать… *(Запинается и опять повторяет.)* Не коллеги же его, надо думать… Забыла, как дальше.

Леон *(подсказывает ей)*. …пользуются такими

духами, какие под стать только уличным женщинам!

Президентша *(подскакивая)*. Подсудимый! Не смейте подсказывать! Пусть сама вспомнит.

Леон. Этот отрывок я знаю наизусть. *(Тянет руку вверх, как школьник.)* Можно я, мадам, за нее расскажу?

Президентша *(ударяя кулаком по столу)*. Подсудимый! Если будете дурачиться, я вас выставлю из класса! То есть из зала! И дело будет слушаться без вас. Подобный случай предусмотрен статьей семьсот двадцать первой, и прецеденты уже были. *(Наклоняется к Мари-Кристин)*. Продолжай, дитя мое. И не обращай внимания на шуточки всяких двоечников… то есть… неважно! То, о чем ты начала рассказывать, это очень, очень интересно.

Лебеллюк *(вставая)*. Защита просит слова!

Президентша. Суд отклоняет просьбу защиты.

Лебеллюк *(безропотно садится)*. Да, госпожа президент.

Леон *(шепотом)*. Тряпка! Что они могут еще тебе отчекрыжить?

Президентша. Прекратить разговоры! Продолжай, деточка. Поделить с нами всем, что у тебя наболело.

Мари-Кристин. Эти мужчины, скажу я вам… это что-то невозможное!.. *(Сбивается.)*

Ада *(рвется ей подсказать)*. Ну-иу… вспомни, как дальше… Вспомни, что ты думаешь про мужчин…

Президентша. Тсс!

Мари-Кристин *(после долгой заминки продолжает)*. Эти мужчины, скажу я вам… это что-то невозможное! *(Опять запинается и повторяет.)* …это что-то невозможное! Хотя я была совсем маленькой девочкой, но и тогда… но и тогда, видя маму постоянно плачущей в своем углу… углу… я многое поняла, даже слишком многое для своего возраста… Я видела, как она оплакивает свою загубленную молодость и блестящие партии, которые она могла бы составить, не повстречай она на свою беду моего папу… И видя, как она заводит руки за голову перед зеркалом… сорванная во цвете лет… во цвете лет… когда бог… когда ей бог…

Ада *(подсказывает)*. Послал!

Мари-Кристин. Послал… когда ей бог послал… бог послал… *(Вдруг ее осеняет, и она продолжает — не очень, впрочем, уверенно.)* …кусочек сыра. На ель ворона взгромоздясь, позавтракать совсем уж было собралась, да призадумалась!

Хохот в зале.

Леон *(стоя рукоплещет)*. Браво, малышка! Высший балл!

Ада *(подскакивает к Мари-Кристин, которая уже закрылась локтем)*. Мерзавка! Маленькая мерзавка! Это ты все придумала, чтобы своего папочку повеселить! Они в сговоре, госпожа президент! Я возражаю против дальнейшего опроса этой козявки! Ей бы только доставить удовольствие своему обожаемому папочке! Передразнивает: «Папочка! А, папочка! Ты не поможешь мне написать изложение? У тебя это так хорошо получается!» А тот уже размяк, можно веревки вить: «Ну, конечно, моя куколка! Приходи ко мне в кабинет». И если его сейчас ждет статья в «Фигаро» — все, пиши пропало! Курьер может ждать до скончания века…

Президентша *(проявляя нетерпение)*. Что вы можете сказать суду по существу?

Ада. Госпожа президент, он ко всем неравнодушен, ко всем, кроме меня! Мы даже уехали с улицы Помп. Шуточное ли дело — тридцать две соседки в доме! А женщины из «Фигаро»?! Да начни я расследование, мне пришлось бы взорвать всю редакцию! Ладно бы довольствовался своими знакомыми, так нет, ему дамочек прямо на ули-

це подавай! Он ведь всегда гуляет с опущенной головой. Сколько раз он приходил домой с такой вот шишкой на лбу! Это он провожал глазами очередную корму!

Президентша. У вас еще есть, что сказать суду, прежде чем будет дано слово защите?

Ада *(твердо)*. Да, госпожа президент. Мой муж — самовлюбленный патриархам и деспот. Он забрал у меня все: мою невинность и лучшую пору молодости, мои иллюзии, мое приданое, моих подруг по пансиону, даже всех моих горничных, за исключением откровенных уродок! Он докатился до того, что, глумясь надо мной в моем собственном доме, сделал сенегальского ребенка несчастной служанке! Чаша моего страдания переполнилась! Во имя достоинства французской женщины и отвоеванных ею свобод, во имя Женского Сопротивления и тех, кто пал жертвой в неравной борьбе, я требую, чтобы суд покарал моего мужа со всей строгостью нашего закона! *(С достоинством садится при общем тягостном молчании.)*

Лебеллюк *(Леону, шепотом)*. Если суд пойдет ей навстречу, ты лишишься предмета своей законной гордости.

Президентша. Слово предоставляется защите.

Лебеллюк *(вставая, с пафосом)*. Я буду краток!

Леон *(со смешком)*. Еще бы!

Лебеллюк *(смерив Леона испепеляющим взглядом, продолжает)*. Прежде чем ответить обвинению, я хочу выразить в этом священном зале правосудия свое глубочайшее уважение Женскому Сопротивлению и всем его жертвам. Что являла собой наша страна до свершения победоносной леворюции? В ней царили анархия и несправедливость! Мужчина был всем, женщина ничем. Мужчина этот деспот и лицемер, закабалял ее все больше и больше! «Не хочу! — в отчаянии рыдала женщина. Не хочу брильянтов! И дорогих платьев! И норкового манто! Не хочу стиральной машины и модернизированной посудомойки!» Но мужчина, смеясь, продолжал безжалостно осыпать ее этими ложными ценностями и, помахивая чековой книжкой, как садист кнутом, приговаривал: «У тебя ни в чем не будет недостатка! И ты навсегда останешься моей собственностью!» Печальные времена… К счастью, уже забытые. Наконец-то справедливость восторжествовала! И вот наша женщина наравне с мужчиной зарабатывает на хлеб в поте лица своего. И уже служит в армии. Но до подлинного равенства еще далеко! По какому,

скажите, праву мужчины до сих пор отказываются рожать? Хочется верить, что там уже занялись этим вопросом… А теперь два слова о моем подзащитном. Я надеюсь, что вы трезво оцените эти так называемые похождения! Вспомним Стендаля, бессмертного создателя «Трактата о любви». Красавицы того времени не удостаивали его даже взглядом… А гигант Бальзак! Чего стоит одна эта позорная история с мадам Ганской… Вспомним бедного Мольера, этого записного рогоносца… Как видите, одно бахвальство. Мой подзащитный невиновен! Все эти истории с горничными не стоят ломаного гроша. Вы сами видели, куда нас завел скандал вокруг так называемого незаконнорожденного ребенка, который оказался чистокровным негритенком. Гражданки судьи, мой подзащитный, в котором так нуждаются «Фигаро» и Французская академия, не обратился к вам, как я когда-то, с просьбой о хирургическом вмешательстве. Не потому ли, что уже, увы, не во что вмешиваться. Впрочем, вам решать. Верю, что суд, проявив свойственную ему мудрость, прислушается к моим словам. *(Садится.)*

Леон *(в его сторону)*. Мерзавец!

Лебеллюк. Заткнись, идиот! Я тебя спас! *(Показывает Леону на судей, которые весело*

шушукаются.) Посмотри на них. Видишь, как рассиропились.

Леон. Ты забыл про мою честь!

Лебеллюк *(отмахиваясь)*. У тебя еще будет время о ней вспомнить.

Президентша.(согнав *с лица улыбку, сурово)*. Подсудимый, встаньте! Закон предоставляет вам право последнего слова.

Леон *(встает)*. Я хорошо погулял до принятия нового закона. Да и после — тоже.

Буря в зале.

Лебеллюк *(наклоняется к нему; шепотом)*. Ты что, ополоумел? Ты же на корню погубишь всю мою речь!

Леон *(невозмутимо продолжает)*. Мой адвокат сказал мне сейчас, что я погублю на корню всю его речь. Сказать вам по правде, я не в восторге от его речи. Я хочу со всей ответственностью заявить, что я вовсе не жалуюсь на бессилие. Думаю, меня хватит еще на несколько делишек, если приговор суда не сделает меня нетрудоспособным. *(После паузы.)* То, что я здесь узнал, нисколько не уменьшило моей признательности к маме этого негритосика. Что ж, я был не первый, кого она одарила своей добротой. А я... я любил

ее. *(С торжественностью, звучащей пародийно.)* В детстве, когда наша деревенская бакалейщица протягивала мне пирожное, мама мне говорила: «Поблагодари тетю!» И я благодарил. Так я поступаю и сегодня! *(Садится.)*

Президентша. Все?

Леон. Все.

Президентша. Уведите подсудимого! Прошу всех очистить зал. Суд остается для вынесения решения.

Ада *(вскочив, кричат вдогонку Леону)* А меня? Меня ты хоть раз поблагодарил?

Фиселль уводит Леона. Остальные расходятся, обсуждая перипетии дела. Судьи остаются.

Президентша. Слыхали? Нет, права была эта очаровательная малышка: мужчины — это что-то невозможное!

1-я заседательница *(мечтательно)*. Малышка просто прелесть! Так бы и съела! Подумать только, она вырастет, чтобы достаться одному из этих злодеев…

Президентша *(по-дружески одергивает ее)*. Сюзанна! Я вас уже просила… Вы слишком откровенно проявляете свои чувства, дорогая! *(Снова нахмурясь.)* Во всяком случае, вы правы, перед

нами один из этих типов. Случай предельно очевидный.

2-я заседательница *(до сих пор она хранила молчание, сейчас достает мундштук слоновой кости, вставляет в него сигарету, затягивается и лишь потом зловеще изрекает мужским басом).* Ничего, мы отобьем у него вкус к клубничке!

Затемнение

Когда свет зажигается, перед нами обстановка начала пьесы. Ночь. Леон спит с неудобной позе, привязанный к позорному столбу. Тишина. Входит на цыпочках новая горничная. В руке у нее свеча, пляшущий язычок слабо освещает сцену. В пеньюаре, босая, с накрученными на ночь бигуди, она подходит к Леону и осторожно до него дотрагивается.

Горничная, Месье! Месье!

Леон *(вздрагивает).* Кто? Что? Оставьте меня! Не видите, я работаю! *(Продрав глаза, уставился на нее.)* А, это вы, дитя мое. Что, эта бригада мясников уже здесь? Пора ехать?

Горничная. Нет-нет, месье. Еще ночь. Я хочу вам сказать…

Леон. Что, дитя? Вы вспомнили финал «Гамлета»? «Дальше — тишина».

Горничная. Я хотела вам сказать… Помните, вы говорили на суде про эту девушку… ну, которую вы полюбили?.. Знаете, я даже заплакала!

Леон *(горько)*. Только не они! Вы видели их лица?

Горничная. Я тоже… хочу… пережить… большую любовь!

Леон *(с нежностью)*. Дай-то бог, дитя мое!

Горничная *(более прямолинейно)*. Мне очень понравилось, как мы с вами играли в «горбуна с улицы Квинкампуа».

Леон *(в глазах у него вспыхивает огонек)*. Вот как?

Горничная *(кокетливо)*. Я потому не очень-то и возмущалась, когда вы трогали мою грудь. Я сразу поняла, что мурашки тут ни при чем!

Леон *(тронут ее признанием)*. Как это мило! *(Вздыхает.)* Увы, дитя мое, все это в прошлом!

Горничная. Неправда! У моей сестры есть домик в Курбевуа, недалеко от министерства обороны.

Леон. Не вижу связи.

Горничная, У нее в гараже стоит старый тандем. Собака лаять не станет, она меня знает. Возьмем велосипед и доедем до швейцарской границы!

Леон *(колеблясь)*. Не ближний свет. А запасы еды? А Комитет Бдительности в каждой деревне?

Горничная. Я говорила с Фиселлем. Он тоже боится, что ему кое-что отчихвостят. Флипот ему пригрозила, и он теперь места себе не находит. Фиселль сказал, что прихватит с собой консервы и спрячет их в детской коляске, которая пылится в подвале. Вообще-то он уже спрятал и сейчас ждет внизу.

Леон *(приосаниваясь)*. Отвяжи меня! Где моя шпага? Где мой плащ и треуголка! Какая же ты милашка! Жизнь снова прекрасна! В путь!

Не успевает горничная отвязать ему руки, как он хватает ее за огузок.

Постой! Я слишком долго ждал этого мгновения! *(С чувством.)* О бессмертная женщина! Я воспою тебя в поэмах! Я перейду на александрийский стих, как Арагон во время войны! Я стану вторым Виктором Гюго! Мною будут зачитываться бедняки при свете коптилки! Я стану глубоко народным, и народ поймет меня!

Горничная *(испуганно)*. Да что же вы так кричите! Весь дом поднимете на ноги! *(Чихает.)* Апхчи! Не могу сказать, чтобы мне было очень тепло в одной рубашке. Пора двигаться, не то я

так насморк схвачу.

Леон *(не выпуская ее)*. Ты права, надо подвигаться! Поговорить можно и после, когда приедем на Ривьеру.

Горничная *(сразу берет деловой тон)*. Только учтите, я не хочу, чтобы всякие там коммерсанты смотрели на меня косо. Вы должны говорить, что мы муж и жена.

Леон. Как скажешь, дорогая! Для меня это ничего не меняет: сколько я себя помню, я всегда был женатым мужчиной.

Горничная *(все более деловито)*. И еще нам надо взять горничную. Погнула я спину — и будет!

Леон *(забавляясь)*. А почему бы и нет? Эдакую хорошенькую швейцарочку по сходной цене!

Горничная *(жестко)*. Хорошенькую? Об этом и думать забудьте! Я ужасно ревнивая. Так что уж подберу какую-нибудь старую каргу, не сомневайтесь!

Леон *(благодушествуя)*. Вот и отлично! Хоть с горбом, если тебе так хочется!

Горничная *(подозрительно)*. Это чтобы играть потом в «горбуна с улицы Квинкампуа»?

Леон *(весело)*. Ну что ты, моя козочка, как можно! С настоящим горбом! И злую-презлую! *(После паузы.)* А теперь задуй-ка ты свечу. Хватит фило-

софствовать. А то у нас уйдут на это все силы.

Горничная *(вкрадчиво).* Да-да… Но обещайте, что вы будете по-прежнему писать каждое утро в «Фигаро». Мне ведь нужны будут деньги, чтобы вести хозяйство… Не забывайте, теперь я мадам!

Леон *(слегка озабочен).* Ну-ну… Может быть, мы все-таки обсудим все эти детали попозже? У нас не так много времени! *(Задувает свечу.)*

Из темноты, записанное на магнитофонную ленту, доносится учащенное дыхание горничной, перемежаемое восклицаниями: «И еще! Я хочу! чтобы у меня были! эмалированные! кастрюльки!» В ответ звучит утробный рык, напоминающий рев льва перед началом фильмов киностудии «Метро-Голдвин-Майер». Загорается свет, и мы видим, как они едут на большом тандеме по безлюдной местности. На Леоне какой-то куцый плащ, из-под которого вызывающе торчат полы мундира академика. На голове у горничной нелепая шляпка. За ними семенит Фиселль, толкая перед собой детскую коляску, набитую консервами. Ветер доносит звуки бравурной мелодии. Какое-то время Леон молча крутит педали, потом оборачивается к своей подружке.

Леон. Ты не проголодалась, моя киска?

Горничная *(крутя педали)*. Пожалуй, мой котик.

Леон. До границы осталось километров семьдесят. Тогда и заморим червячка! Я раскопал в хозяйстве нашего Фиселля баночку икры. Будет чем отпраздновать!

Фиселль *(ворчит, едва поспевая за ними)*. Зря я не прихватил консервированного тунца. Он лучше сохраняется. Да разве было время оглядеться! Побросал что под руку попалось!

Горничная *(рассудительно)*. Как ты думаешь, милый, икры на троих хватит?

Леон *(беззаботно)*. Что ты! Там только-только на двоих. А Фиселль откроет баночку сардин — ему как раз по чину. *(Продолжает лирически)*. Ах, мой зайчик, в былое время разве бы мы так отпраздновали наши брачные игры! Мы бы закатили ужин в отдельном кабинете, с цыганами, при свечах!

Горничная. Так тоже неплохо. Смотри, какая луна!

Молча крутят педали.

Леон *(оборачивается и кричит Фиселлю)*. Как там народ? Поспевает?

Фиселль *(отдуваясь)*. Да… Только вы… не так

быстро… а то я… валюсь с ног…

Леон *(беспечно)*. Вечно народ чем-то недоволен! Это у него в крови. Видишь ли, мировая экономика пока не позволяет обеспечить велосипедом каждого человека. Четыре миллиарда велосипедов — да это же чистейшая утопия! Надо трезво смотреть на вещи. На что, спрашивается, народу ноги?

Фиселль *(задетый),* А вам на что?

Леон. Чтобы крутить педали! По-твоему, велосипед сам по себе едет? Видишь, как мы мучаемся! И не жалуемся, в отличие от народа. Так что не будем мелочными, друг мой.

Крутят педали.

Фиселль *(с горечью вздыхает)*. А еще говорили — все будут равны!

Леон *(с обескураживающим бесстыдством)*. Все и так равны! Спроси хоть у мадам.

Фиселль *(едва за ними поспевая)*. Да? Только почему-то как мыть посуду — так Фиселль, и как коляску толкать — тоже Фиселль!

Леон *(раздраженно)*. Забудь ты, бога ради, эти классовые предрассудки! Ты свободный человек! Как и я. Оба мы одинаково свободны. Только каждый по-своему. Это и есть демократия. *(Пате-*

тически.) Мужайся, друг! Этой ночью мы должны перейти границу. Вперед, дети мои! Выше голову! Да здравствует Франция! Швейцария уже близко!

Тандем прибавляет ходу.

Фиселль *(выбиваясь из последних сил; в отчаянии кричит вдогонку).* А как же народ?

Леон *(с царственным жестом).* Народ? Как всегда, сомкнет свои ряды! И устремится к указанной цели!

Грянул «Марш отъезжающих». Тандем крутит педали.

Занавес